

ВЕСТНИК
государственного
университета
«Дубна»

#3 2020

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

В номере:

**Игра
как социокультурная
практика социализации
детей**

**Образовательная среда
в эпоху визуального
поворота**

**Политический эффект
пандемии коронавируса
в России**

*Юлиус Конрад Хеншель. Дети, играющие
в песке. 1906.*

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук – **главный редактор**

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **заместитель главного редактора**

Ющенкова Д.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, зам. зав. кафедрой психологии по научной работе – **редактор**

Воинова А.А., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **ответственный секретарь**

Члены Редколлегии:

Anna Stetsenko, PhD, Professor Ph.D. Programs in Psychology, The Graduate Center of The City University of New York

Братусь Б.С., доктор психологических наук, профессор, научный руководитель факультета психологии Российского православного университета

Попов В.Д., доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления государственного университета «Дубна»

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Дулина Н.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета

Плебанек О.В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвАзЭС

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, руководитель отдела медицинской психологии ФГБНУ "Научного центра психического здоровья"

Истомина О.Б., доктор философских наук, зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета

Мещеряков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Субочева О.Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им.Н.Э. Баумана

Федотова В.Г., доктор философских наук, заведующая сектором социальной философии Института философии РАН

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна»

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии социальной сферы РГСУ

Назаретян А.П., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

выпускающие редакторы номера –

Н.Г. Багдасарьян, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

С.В. Шешунова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики Государственного университета «Дубна»

С.Г. Бунина, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права Государственного университета «Дубна»

Д.В. Ющенкова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Содержание

Социологические исследования

<i>Багдасарьян Н.Г., Балужева Т.В., Крупа О.В.</i> Аспирант и его диссертация: потенциал и риски защиты.....	3
--	---

Образование и развитие личности

<i>Дмитриева С.О.</i> Образовательная среда в эпоху визуального поворота – трансформация восприятия.....	19
<i>Тимушева Д.М.</i> Функциональная модель развитого навыка чтения.....	30

Социальные проблемы и стратегии их решения

<i>Рябцев С.В., Кириллов П.Е., Фомина Л.А.</i> Религиозная деструктивность в субкультурных группировках.....	39
<i>Козлова Т.А.</i> Игра как социокультурная практика социализации детей.....	46

Проба пера

<i>Качанов А.В.</i> Политический эффект пандемии коронавируса в России: рост спроса на консервативные ценности.....	52
<i>Кравченко А.Л.</i> GIG-экономика: трансформация рынков труда в условиях COVID-кризиса.....	59

Круглый стол: обсуждение актуальности работы М. Вебера «Наука как призвание и профессия»

<i>Багдасарьян Н.Г., Галева Я.А., Качанов А.В., Комаров Д.А., Король М.П., Кравченко А.Л., Куркова Н.Ю., Ляскович А.В.</i> Молодежь и наука: между возможностями профессии и вызовами призвания (материалы круглого стола, посвященного работе М. Вебера «Наука как призвание и профессия»).....	66
--	----

Социологические исследования

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-9-3-18

УДК 378.048.2

Н. Г. Багдасарьян, Т. В. Балужева, О. В. Крупа

Аспирант и его диссертация: потенциал и риски защиты¹

Аннотация:

В статье приведены результаты социологического исследования контингента аспирантов государственного университета «Дубна» разных направлений обучения. Проведена многомерная типология аспирантов университета, определены ключевые латентные факторы, далее положенные в основу кластерной модели: взаимодействие с научным руководителем, социокультурный потенциал, организация работы над диссертацией и ее риски, карьерные возможности. Внутри аспирантского сообщества выделены четыре кластера: «депривированные», «ресурсные», «разочаровавшиеся», «случайные». Показано, что наиболее перспективными с точки зрения научного «прироста» и защиты диссертации выступают аспиранты второй группы – «ресурсные». При этом наиболее сильные мотивационные факторы – гаранты успешного завершения аспирантуры и защиты диссертации, по-прежнему – налаженное взаимодействие с научным руководителем и интерес к теме исследования – традиционные «ценности» любого аспиранта.

Ключевые слова: аспирантура; аспиранты; типология аспирантов; защита диссертаций; кластерный анализ; факторный анализ

Об авторах: Багдасарьян Надежда Гегамовна, доктор философских наук, профессор, Государственный университет «Дубна», заведующий кафедрой социологии и

¹Исследование “Graduate Students, Postgraduate Studies and Thesis Defense: Success/Failure Factors” было опубликовано в “Proceedings of the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2019)”. Series “Advances in Social Science, Education and Humanities Research”, vol. 356, pp. 19–24, 2019.DOI: 10.2991/cesses-19.2019.5. В целях ознакомления с результатами исследования русскоязычных читателей мы публикуем статью с изменениями и дополнениями.

гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Балуева Татьяна Витальевна, Государственный университет «Дубна», старший преподаватель кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: igel22@mail.ru

Крупа Ольга Вадимовна, кандидат экономических наук, Филиал государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Университет «Дубна» – Дмитровский институт непрерывного образования, преподаватель; эл. почта: krupa.olya@gmail.com

I. Введение

В современном транзитивном обществе многие социальные институты претерпевают серьезные структурные и содержательные изменения. Для российской аспирантуры последствия этих изменения проявляются в виде двух ведущих тенденций: снижения числа поступающих в аспирантуру (последовательно, начиная с 2011 г., за исключением небольшого «всплеска» в 2018 г.) одновременно со снижением числа защищающих диссертацию (удельный вес лиц, защитивших диссертации, в общей численности выпускников достиг минимума – 11% – в 2019 г. и с 2014 г. не превышает 20%) [7, с. 21-23].

В соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами подготовки кадров высшей квалификации аспирантура стала третьей ступенью высшего образования. Что это означает? По сути дела, аспирантура встраивается в стандарт обучения со всеми его атрибутами: образовательными программами и учебными планами; высокой аудиторной нагрузкой – лекционными и семинарскими занятиями с обязательным посещением; строгой системой зачетов и экзаменов с оценками в зачетных книжках. При этом аспиранты, как правило, уже взрослые люди (средний возраст российского аспиранта превышает 28 лет), зачастую несущие материальную ответственность за себя и свою семью [7, с. 31]. Низкий уровень аспирантских стипендиальных выплат (стандартный размер государственной стипендии в три раза ниже величины прожиточного минимума) вынуждает многих аспирантов работать одновременно с обучением. В результате это приводит к тому, что собственная исследовательская работа уходит на дальний план.

Параллельно с этим процессом происходит сокращение числа диссертационных советов (по сравнению с 2010 г. – в 1,5 раза)². Оставим за скобками обсуждение причин такого положения дел. Несомненно, однако, что одним из последствий сокращения числа советов стало уменьшение возможностей для защиты аспирантами диссертаций.

На эти проблемы обратил внимание и президент России: на прошедшей в январе 2019 г. встрече с главой Российской академии наук В. В. Путин заявил, что аспирантура в нашей стране «должна быть только научной»³. Каким образом включить потенциал молодых научных кадров в решение проблемы развития приоритетных направлений науки, технологий и техники, обеспечивающих внедрение прорывных критических технологий, утвержденных Указом Президента⁴? Безусловно, именно аспирантура как институт продолжает быть ведущим источником подготовки таких кадров.

Проблема, связанная с защитами диссертаций, является общей для всей России, однако особенно острой она видится для регионов. Дубна, получившая статус наукограда в 2001 г., по праву считается «кузницей» научных кадров. Ежегодно в аспирантуру Государственного университета «Дубна» поступают более 60 человек, но лишь немногие из них доходят до защиты.

На этом фоне, несомненно, важной представляется задача понять, почему так происходит. Существует ли один ответ для всех? Или можно выделить внутри аспирантского сообщества группы, для которых стержневыми выступают определенные, но при этом различные факторы? Можно ли на основе анализа набора переменных предположить, что одни аспиранты имеют больше перспектив остаться в научном сообществе, а другие меньше? И наконец, кого привлекает в настоящее время наука, и аспирантура в частности?

II. Степень научной разработанности проблемы

Основные проблемы современной аспирантуры в рамках дискурса о третьем уровне высшего образования отражены в ряде научных работ, опубликованных в последние годы. Так, вопрос целеполагания аспирантов – «диссертация или диплом об окончании

² Сайт Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Режим доступа: <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/dissovet> (Дата обращения: 02.12.2020).

³ Стенограмма встречи президента РФ В.В. Путина с главой Российской академии наук А.М. Сергеевым 9.01.2019 г. Официальный сетевой ресурс «Президент России» URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59648> (Дата обращения: 02.12.2020).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 07.07.2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/33514> (Дата обращения: 02.12.2020).

аспирантуры?» – рассматривается Б. И. Бедным, В. А. Бодровым и др. [2; 8]. Проблема позиционирования аспирантуры в структуре высшего образования анализируется в работах Д. Ю. Райчук, Ю. Н. Бережной, В. С. Сенашенко и др. [3; 6; 16; 18]. Подходы к организации образовательного процесса в новых условиях современной аспирантуры выделяют в своих работах Е. В. Караваева, Н. А. Платонова, С. К. Бекова и др. [4; 5; 10; 15]. Результаты эмпирических исследований различных аспектов деятельности аспирантуры изложены в работах О. Я. Герасимовой, И. А. Груздева, И. П. Маличенко, Е. В. Михалкиной и др. [9; 11; 13; 14; 20-22]. Ряд авторов предпринимают попытки построения не только многомерной типологии аспирантов (на примере аспирантов государственных университетов Приволжского федерального округа), но и цельной модели современной российской аспирантуры [1; 12; 17]. В последние годы фокус внимания смещается в сторону региональных аспирантур [19]. Анализируются и другие вопросы, связанные с аспирантурой и аспирантами.

III. Методология исследования

Исследовательские вопросы

- Можно ли выделить однородные группы внутри аспирантского сообщества государственного университета «Дубна»?
- Каковы основные признаки и латентные факторы, оказывающие значимое влияние на расслоение аспирантского сообщества государственного университета «Дубна»?

Эмпирическая база исследования

Исследование проведено методом анкетного онлайн-опроса аспирантов, обучающихся в Государственном университете «Дубна» в ноябре 2018 г. Использование данного метода позволило в небольшие сроки охватить выборочную совокупность (116 человек – 2/3 от общего числа обучающихся в аспирантуре университета), достаточную для получения статистически достоверных результатов. Из общего числа аспирантов было опрошено 38% учащихся первый год в аспирантуре, 33% – второй и 29% – третий и четвертый года. Две трети респондентов специализируются в области точных, естественных и технических наук, остальные – в сфере гуманитарных и общественных наук. Медианный возраст аспирантов университета «Дубна» составил 25 лет, две трети обучающихся в аспирантуре университета «Дубна» – мужчины. По всем выделенным показателям выборка достаточно полно репрезентирует генеральную совокупность. Средний возраст 27 лет.

Инструмент сбора эмпирических данных представлял собой анкету, состоящую из 34 вопросов, объединенных в 6 блоков. Основные содержательные разделы анкеты были направлены на выявление мотивации поступления в аспирантуру, профессиональных планов, особенностей организации работы над диссертацией, а также факторов, способствующих и препятствующих подготовке диссертации; кроме того, предлагалось дать оценку условий обучения в аспирантуре Государственного университета «Дубна».

IV. Результаты исследования

Исходным предположением послужила идея, что аспиранты отличаются друг от друга по целому ряду параметров: мотивации поступления в аспирантуру и усилиям, прилагаемым в процессе подготовки диссертации, карьерным устремлениям, интеллектуальным способностям и материальной обеспеченности.

Применение процедуры факторного анализа (использовался метод главных компонент с последующим вращением факторов методом Варимакс) позволило перейти от пространства, включающего 39 признаков, к адекватно интерпретируемой факторной модели из 7 факторов. В результате были выделены следующие факторы:

- 1) взаимодействие с научным руководителем;
- 2) личностные качества аспирантов;
- 3) организация работы над диссертацией (включая интерес к теме диссертации, активность взаимодействия с научным руководителем по теме диссертации, планирование вопроса защиты диссертации);
- 4) карьерные возможности (в том числе, развитие навыков преподавания и академическая поддержка);
- 5) система условий для исследовательской деятельности;
- 6) финансовые; нематериальные (не связанные с финансовыми вопросами) трудности.

Любопытно, что ряд переменных (например, трудности с подготовкой и публикацией статей в журналах из списка ВАК) коррелировали сразу с несколькими факторами; было принято решение исключить их из факторной модели.

Для поиска внутренне однородных и существенно различающихся друг от друга групп аспирантов использовался иерархический кластерный анализ, метод объединения кластеров – метод Уорда (Ward), использованная метрика – квадрат Евклидова расстояния. Устойчивость кластерной модели составляет 92,3% (оценка устойчивости производилась методом дискриминантного анализа). Решение с 4 кластерами оказалось наиболее

интересным с содержательной точки зрения. Некоторые сомнения вызывал кластер, включающий небольшую долю респондентов, однако при всех комбинациях методов объединения и метрик расстояния он сохранял свою «численную устойчивость». В качестве кластерообразующих переменных использовались полученные на предыдущем этапе факторы.

В результате применения кластерного анализа были выделены 4 кластера, условно названные нами:

1. Депривированные (включает 28 человек, или 24% от общей численности респондентов).
2. Ресурсные (45 чел., 39%).
3. Разочаровавшиеся (32 чел., 28%).
4. Случайные (11 чел., 9%).

Первый кластер – «депривированные» – включает 24% аспирантов: учиться им нравится, но сложные материальные обстоятельства вынуждают их отдавать все свое время работе, несвязанной с темой диссертации; в результате сил на аспирантуру уже не остается. Стоит заметить, доля работающих в каждом кластере высока, однако работа аспирантов этого кластера, по всей видимости, не столь оплачиваема и не позволяет решить их материальные проблемы. Также в этом кластере много тех, кто вообще не работает, находится на иждивении у членов своей семьи – для них аспирантская стипендия является важным источником дохода.

«Депривированные» поступали в аспирантуру, чтобы продолжить обучение по профессии. Они вовлечены в учебный процесс: в этом кластере самый большой процент тех, кто постоянно выступает на научных семинарах, большая доля заинтересованных в теме своей диссертации. Однако материальные проблемы не позволяют им рассматривать научное поприще в долгосрочной перспективе; именно в этой группе наиболее велика доля аспирантов, планирующих развивать карьеру вне академической сферы.

В этом кластере относительно больше обучающихся по направлениям «Юриспруденция» и «Психология», аспирантов третьего года обучения, а также выше средней по выборке доля девушек – 43%.

Второй кластер – «ресурсные» (самый многочисленный, что не может не радовать) – включает 40% аспирантов (из них чуть меньше половины девушек). Это наиболее перспективные с точки зрения успешного окончания аспирантуры молодые люди – все они планируют защититься в срок. Им интересна тема их диссертации, они постоянно

взаимодействуют со своим научным руководителем. После окончания аспирантуры они хотели бы заниматься научными исследованиями в вузе или научной организации.

В этом кластере меньше всего аспирантов, испытывающих материальные затруднения, но связано это, прежде всего, с их собственной работой – именно в этой группе самый большой процент работающих. В то же время работа аспирантов данного кластера чаще, чем в среднем, связана с темой диссертации, что, безусловно, не может не способствовать ее написанию.

В этом кластере сосредоточена большая часть аспирантов, обучающихся по направлению «Экономика», и значительная часть аспирантов направления «Информатика и вычислительная техника». Также высока доля аспирантов первых двух лет обучения.

Третий кластер – «разочаровавшиеся» – 28% (кстати, девушек здесь меньше, чем в среднем – 31%). В аспирантуру их позвал научный руководитель. Этим аспирантам в принципе интересна выбранная тема работы, и в дальнейшем они планируют работать в качестве научных сотрудников. Возможно, в силу выбранной специальности: здесь много представителей естественных наук – им сложно найти другое поприще. Однако представители данного кластера разочаровались в аспирантуре, они поставили самые низкие оценки с точки зрения предоставленных возможностей (за исключением навыков преподавания) и созданных условий обучения. Аспирантура критикуется ими также за то, что не предоставила возможность совмещать работу с учебой. Вместе с тем, в этом кластере отмечается наибольший процент аспирантов, участвующих в финансируемых исследовательских грантах. У аспирантов этой группы самые низкие показатели социокультурного потенциала, что, возможно, свидетельствует о критическом взгляде на жизнь в целом.

Четвертый кластер – «случайные» – 9%, пропорция мужчин и женщин здесь аналогична выборке в целом. В этот кластер попали те, кто лишь имитирует работу над диссертацией. Они признают, что не испытывают интереса к своей диссертационной работе, практически не взаимодействуют со своим научным руководителем, и как следствие, сомневаются в том, что будут выходить на защиту. Эти аспиранты не работают и не учатся, и в целом их устраивает такое положение: любопытно, что в этой группе нет ни одного недовольного обучением. Основная причина поступления в аспирантуру – нежелание покидать университетскую среду. Пугающим выглядит факт, что аспиранты этого кластера планируют стать преподавателями вузов.

Больше половины аспирантов заявили, что основным мотивом продолжения обучения в аспирантуре выступило желание заниматься научными исследованиями. Это ведущий мотив для аспирантов второго и третьего кластеров (см. Таблицу 1). Среди аспирантов третьего кластера больше всего тех, кто после окончания аспирантуры хотел бы работать в научном учреждении в качестве научного сотрудника (69%), среди других кластеров таких аспирантов значительно меньше. По всей видимости, аспиранты второго («ресурсные») и третьего («разочаровавшиеся») кластеров обладают наибольшими перспективами остаться в науке. Уже сейчас среди них больше всего тех, кто совмещает написание кандидатской диссертации с работой вне университета, при этом в области, совпадающей с темой диссертации (40% и 56% во втором и третьем кластерах соответственно).

Примерно половина аспирантов первого и четвертого кластеров уверены, что усилия и время, затраченные на аспирантуру, в любом случае положительно скажутся на будущей карьере и вне академической сферы (50% и 55% соответственно). Однако, в отличие от «случайных», аспиранты первого кластера демонстрируют более высокий уровень вовлеченности в аспирантскую деятельность – они постоянно взаимодействуют в ходе работы над диссертацией с научным руководителем (82%) и выступают на научных семинарах своей кафедры и межфакультетских научных семинарах университета (43%).

«Ресурсные» аспиранты видят свое будущее как в вузе, так в другом научном учреждении. По всем показателям это наиболее «успешные» молодые люди, однако они не исключают работу в наукоемком бизнесе, в том числе и за границей. Аспиранты второго кластера демонстрируют высокий интерес к работе над диссертацией в настоящее время и сохранение интереса с момента поступления. В совокупности с другими показателями (оценка трудностей и благоприятных факторов, самооценка, степень взаимодействия с научным руководителем и др.) это свидетельствует о настроенности этой группы аспирантов на успешное окончание аспирантуры и защите диссертации. Действительно, лишь 2% представителей «ресурсных» аспирантов полагают, что не успеют выйти на защиту в срок. У аспирантов, входящих в другие кластеры, этот показатель намного выше. Среди аспирантов данной группы выше доля тех, кто придерживается «диссертационного» подхода к аспирантуре, т.е. считает, что целью аспирантуры является подготовка и представление на суд экспертного сообщества оригинального и востребованного научного исследования.

Таблица 1.

Академическая и научная активность аспирантов
(по каждому параметру представлен процент от
общего числа респондентов в кластере)

		Кластер				
		1	2	3	4	
Мотивация поступления аспирантуру	в	Планирую заниматься научными исследованиями в вузе или научной организации	54	60	63	36
		Обучение в аспирантуре поможет развивать карьеру вне академической сферы	50	44	28	55
Профессиональные ожидания и планы		После окончания аспирантуры хотел бы работать в вузе или другой образовательной организации в качестве преподавателя	43	40	47	73
		После окончания аспирантуры хотел бы работать в научном учреждении в качестве научного сотрудника	36	40	69	27
		После окончания аспирантуры хотел бы работать в наукоемком бизнесе	21	31	28	27
		За границей	18	16	16	0
Работа диссертацией	над	Мне было все время интересно работать над диссертацией	43	64	56	36
		Работа над диссертацией сильно «поглощает» мое внимание и интерес в настоящее время	54	76	56	18
		Не буду выходить на защиту диссертации	14	2	9	27
		Совмещаю написание кандидатской диссертации с работой вне университета, в области, совпадающей с темой диссертации	25	40	56	45
Взаимодействие с научным руководителем	с	Я постоянно взаимодействую в ходе работы над диссертацией с научным руководителем	82	76	69	36
Вовлеченность в научно-исследовательскую деятельность	в	Выступаю на научных семинарах своей кафедры и межфакультетских научных семинарах университета	43	18	25	9
		Совмещаю написание кандидатской диссертации с работой в научно-учебной лаборатории по аналогичной теме	7	13	16	0

Социокультурный потенциал

По индикаторам социокультурного потенциала аспиранты второго кластера явно превосходят всех остальных. Аспиранты третьего кластера («разочаровавшиеся») по большинству показателей демонстрируют самые низкие значения. Возможно, в этом кластере собрались критично настроенные молодые люди. Они предъявляют высокие требования не только к другим (здесь больше всего аспирантов, недовольных как обучением в целом, так и созданными университетом условиями и возможностями), но и к себе.

Таблица 2.

Показатели социокультурного потенциала аспирантов по кластерам
(Приведены рассчитанные индексы, где «1» соответствует ситуации, когда все респонденты согласны с утверждением)

Оцените, насколько следующие утверждения применимы к вам	Кластер			
	1	2	3	4
Свободно владею иностранным языком	0,00	0,12	0,08	0,00
У меня многочисленные социальные связи	-0,04	0,28	-0,11	0,23
Обладаю крепким здоровьем	0,29	0,50	0,20	0,23
Умею организовывать людей для решения задач	0,25	0,60	0,00	0,41
Мои интеллектуальные способности выше среднего уровня	0,36	0,52	0,14	0,36
Я всегда добиваюсь поставленных целей	0,36	0,64	0,16	0,41
Я всегда выполняю работу в срок	0,32	0,56	0,19	0,41
Готов учиться всю жизнь	0,68	0,71	0,39	0,59
Общителен	0,50	0,76	0,00	0,50
Предприимчив	0,39	0,60	0,05	0,41

Материальное положение

Материальная обеспеченность аспирантов (наряду с мотивацией и способностями к научной деятельности) – важный фактор успешного освоения аспирантской программы. Многие из них вынуждены совмещать учебу с подработками, которые, как правило, не связаны с наукой и существенно отрывают от работы над диссертацией. Полученные данные (таблицы 3-5) свидетельствуют о том, что аспиранты сильно дифференцированы по уровню доходов, а, следовательно, и по времени, которое остается для научной работы.

Малообеспеченные аспиранты сконцентрированы в основном в первом кластере («депривированные»): почти половине из них денег хватает только на питание. Среди аспирантов этого кластера больше всего неработающих, т.е. они находятся на иждивении членов своей семьи. Доля женщин в этом кластере одна из самых высоких – 43%. Здесь также самый большой процент тех, кто рассчитывает на аспирантскую стипендию.

Таблица 3.

Финансовое положение аспирантов по кластерам
(% от общего числа респондентов в кластере)

Пожалуйста, выберите утверждение, которое лучше всего описывает финансовое положение вашей семьи	Кластер			
	1	2	3	4
Денег не хватает даже на питание	0	0	3	0
На питание денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные проблемы	46	2	6	0
Денег хватает на продукты питания и одежду, но купить товары длительного пользования (телевизор, холодильник и т.п.) для меня затруднительно	43	47	38	73
Денег вполне хватает на крупную бытовую технику, но я не мог(ла) бы купить новую машину не в кредит	11	27	38	27
Денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как дача, квартира	0	20	16	0
Материальных затруднений не испытываю. При необходимости мог(ла) бы приобрести дачу, квартиру	0	4	0	0

Таблица 4.

Основные источники дохода аспирантов по кластерам
(% от общего числа полученных ответов)

Пожалуйста, укажите ваши основные источники дохода на данный момент времени (Выберите все подходящие ответы)	Кластер			
	1	2	3	4
Заработная плата	82	98	84	91
Стипендия аспиранта	75	62	56	73
Помощь со стороны членов семьи/родственников	36	16	31	9
Гранты	0	7	13	0
Другое	4	4	6	9

Представители второго и третьего кластеров наиболее материально обеспечены. Однако материальное благополучие «ресурсных» аспирантов достигается ими за счет оплачиваемой работы. Среди «разочаровавшихся» аспирантов треть полагается также на помощь со стороны родственников.

Таблица 5.

Занятость аспирантов по кластерам
(% от общего числа респондентов в кластере):

В настоящее время вы:	Кластер			
	1	2	3	4
1.Работаете полный рабочий день в университете «Дубна»	3,6	8,9	3,1	9,1
2.Работаете полный рабочий день вне университета «Дубна»	60,7	73,3	62,5	63,6
<i>Итого: работают полный рабочий день</i>	<i>64,3</i>	<i>82,2</i>	<i>65,6</i>	<i>72,7</i>
3.Работаете неполный рабочий день в университете «Дубна»	7,1	2,2	12,5	0
4.Работаете неполный рабочий день вне университета «Дубна»	10,7	13,3	15,6	9,1
<i>Итого: работают неполный рабочий день</i>	<i>17,9</i>	<i>15,6</i>	28,1	<i>9,1</i>
5.Имеете нерегулярные приработки в университете «Дубна»	0	0	0	9,1
6.Имеете нерегулярные приработки вне университета «Дубна»	3,6	0	0	0
7.Не имеете оплачиваемой работы	14,3	2,2	6,3	9,1

В целом, более 2/3 аспирантов в каждом кластере работает с целью заработка полный рабочий день. Примерно половина всех аспирантов работает в области, совпадающей с темой диссертации, 75% из них – представители второго и третьего кластеров. Возможно, именно поэтому аспиранты второго и третьего кластеров значительно меньше остальных говорят о негативном влиянии работы на обучение в аспирантуре. Также они полагают, что опыт, приобретаемый ими на работе, оказался полезен для их деятельности в аспирантуре, и наоборот, опыт, приобретаемый ими в аспирантуре, полезен для их работы.

Трудности обучения в аспирантуре

Среди всех возможных факторов, препятствующих обучению в аспирантуре, большинство аспирантов на первое место ставит «необходимость совмещать аспирантскую деятельность с работой». В оценке других факторов (всего их 10) наблюдаются различия в зависимости от кластера (таблица 6). Аспиранты первого кластера, «депривированные»,

отмечают недостаточную финансовую поддержку и неопределенные трудовые перспективы после получения степени. «Ресурсные» аспиранты указывают на сложную учебную программу и трудности с подготовкой статей из списка ВАК. Публикации в журналах также в числе основных трудностей и для аспирантов из третьего и четвертого кластеров. «Случайные» аспиранты признаются в потере интереса к теме исследования.

Таблица 6.

ТОП-3 демотивирующих факторов обучения в аспирантуре по кластерам
(Укажите, в какой степени следующие факторы препятствуют
вашему обучению в аспирантуре?)

Место	Кластер			
	1	2	3	4
I	Необходимость совмещать аспирантскую деятельность с работой	Необходимость совмещать аспирантскую деятельность с работой	Необходимость совмещать аспирантскую деятельность с работой	Необходимость совмещать аспирантскую деятельность с работой
II	Недостаточная финансовая поддержка	Сложная учебная программа и академические требования	Трудности с подготовкой и публикацией статей в журналах из списка ВАК по теме диссертации	Трудности с подготовкой и публикацией статей в журналах из списка ВАК по теме диссертации
III	Неопределенные трудовые перспективы после получения степени	Трудности с подготовкой и публикацией статей в журналах из списка ВАК по теме диссертации	Недостаточная финансовая поддержка	Потеря интереса к теме диссертационного исследования

V. Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что аспиранты второго типа обладают наибольшими ресурсами, способностями и мотивацией, способствующими научной деятельности. Однако они не исключают для себя работу за границей или в наукоемком бизнесе. Аспиранты третьего типа при желании могут связать свою жизнь с работой в научном учреждении или вузе. Аспиранты первого кластера при благоприятной (прежде всего, материальной) ситуации могут остаться в научной сфере. И наконец, аспиранты четвертого типа научную карьеру, по-видимому, не планируют.

Обобщая полученные результаты, можно сказать, что наиболее перспективным потенциалом для защиты диссертации обладают аспиранты первого и второго года

обучения – особенно при должной материальной поддержке, которая позволила бы им больше времени уделять научной работе. К моменту завершения аспирантуры «диссертационный запал» у многих проходит, что создает риски окончания аспирантуры без последующей защиты диссертационной работы. Необходимость обеспечивать семью и отсутствие карьерных перспектив вкупе с недостаточным уровнем информирования о возможностях трудоустройства после аспирантуры еще более ухудшают ситуацию.

При этом наиболее сильными мотивационными факторами, выступающими гарантом успешного завершения аспирантуры и защиты диссертации, по-прежнему являются налаженное взаимодействие с научным руководителем и интерес к теме исследования – традиционные «ценности» любого аспиранта.

Библиографический список:

1. Балабанов С.С., Бедный Б.И., Козлов Е.В., Максимов Г.А. Многомерная типология аспирантов // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 71-85.
2. Бедный Б.И. К вопросу о цели аспирантской подготовки (диссертация vs квалификация) // Высшее образование в России. 2016. № 3 (199). С. 44-52.
3. Бедный Б.И., Рыбаков Н.В., Сапунов М.Б. Российская аспирантура в образовательном поле // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 125-134.
4. Бедный Б.И., Чупрунов Е.В. Современная российская аспирантура: актуальные направления развития [Электронный ресурс] // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 3. С. 9-20. Режим доступа: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-3-9-20> (Дата обращения: 07.12.2020).
5. Бекова С.К., Терентьев Е.А. Аспирантское образование: международный опыт и возможности его применения в России [Электронный ресурс] // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 6. С. 51-64. Режим доступа: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-6-51-64> (Дата обращения: 07.12.2020).
6. Бережная Ю.Н, Гуртов В.А. Аспирантура в новых реалиях [Электронный ресурс] // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 3. С. 57-65. Режим доступа: <https://doi.org/10.15826/umpa.2017.03.037> (Дата обращения: 07.12.2020).
7. Березина Е.В., Васильева Л.В., Лебедев К.В., Плужнова Н.А., Прохорова Л.В., Федин А.В. Подготовка научных кадров высшей квалификации в России. Инф.-стат. мат. [Электронный ресурс]. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018. 200 с. Режим доступа: http://www.csr.ru/archive/stat_2018_staff/ (Дата обращения: 07.12.2020).
8. Бодров В.А. Диплом об окончании аспирантуры est диссертация? // Высшее образование в России. 2018. № 7. С. 79-85.
9. Груздев И.А, Терентьев Е.А. Данные против мифов: результаты социологического исследования аспирантов ведущих вузов // Высшее образование в России. 2017. № 7. С. 89–97.
10. Караваева Е.В., Маландин В.В., Пилипенко С.А., Телешова И.Г. Первый опыт разработки и реализации программ подготовки научно-педагогических кадров как программ третьего уровня высшего образования: выявленные проблемы и возможные решения // Высшее образование в России. 2015. № 8-9. С. 5-15.

11. Маличенко И.П. Проблемы воспроизводства человеческого капитала в высшей школе и пути их решения [Электронный ресурс] // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9. № 4. С. 1585-1599. Режим доступа: <http://doi.org/10.18334/vinec.9.4.41478> (Дата обращения: 07.12.2020).
12. Малошонок Н.Г., Терентьев Е.А. На пути к новой модели аспирантуры: опыт совершенствования аспирантских программ в российских вузах // Вопросы образования. 2019. № 3. С. 8-42.
13. Михалкина Е.В., Скачкова А.С. О выборе карьерных стратегий аспирантами федеральных университетов // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 151-172.
14. Нефедова А.И., Дьяченко Е.А. Реформа аспирантуры в России в зеркале глобальных трендов // Мир России: Социология, этнология. 2019. Т. 28. № 4. С. 92-111.
15. Платонова Н.А., Вапнярская О.И. Современные подходы к организации воспроизводства кадров высшей квалификации в аспирантурах вузов // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2011. № 4. С. 77-82.
16. Райчук Д.Ю., Минина Н.В. О позиционировании аспирантуры в структуре высшего образования // Высшее образование в России. 2016. № 4. С. 33-41.
17. Рыбаков Н.В. Современная модель российской аспирантуры: пилотное исследование первого выпуска // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 7. С. 86-95.
18. Сенашенко В.С. Проблемы организации аспирантуры на основе ФГОС третьего уровня высшего образования // Высшее образование в России. 2016. № 3. С. 33-43.
19. Терентьев Е.А., Бедный Б.И. Проблемы и перспективы развития российской аспирантуры: взгляд региональных университетов // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 9-28.
20. Ходырева Е. А. Программы PhD в российских вузах: опыт и перспективы реализации [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 10. С. 843-854. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2018/181070.htm> (Дата обращения: 07.12.2020).
21. Ablazhey A.M. What means to be a leader in modern science? The view of young scientists // Culture and Education: Social Transformations and Multicultural Communication: Proceedings of the Middle-Term Conference RC04 Sociology of Education International Sociological Association (ISA), Institute of Foreign Languages RUDN University, Moscow, 24–26 July 2019. Moscow: RUDN, 2019. P. 570-576.
22. Gerasimova O.Ya, Kryachko V.I. Academic career of young scientists: Motivations and professional roles // Управленец. 2019. № 10 (6). P. 77-87.

Bagdasaryan N.G., Balueva T.V., Krupa O.V. Postgraduate student and his dissertation: potential and risks of defense

In this paper, the authors attempted to answer the question about the reasons for the unsatisfactory state of learning outcomes in graduate school. A multidimensional typology of graduate students was carried out (using the example of Dubna State University) using cluster analysis with preliminary factor analysis. The authors identified the key latent factors: interaction with the supervisor, sociocultural potential, organization of work on the thesis, career opportunities underlying the cluster model. Inside the graduate community, there are four internally

homogeneous clusters: “depressed”, “resource”, “disappointed”, and “random”. It is shown that the most promising from the point of view of scientific “growth” and the defense of the thesis are graduate students of the second group – “resource”. At the same time, the strongest motivational factors that act as a guarantor of the successful completion of postgraduate studies and defending a thesis are still the established interaction with the supervisor and interest in the research topic - the traditional “values” of any graduate student.

Keywords: post graduate school, post graduate students, postgraduate students typology, thesis defense, cluster analysis, factor analysis

Образование и развитие личности

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-9-19-29

УДК 7.036

С. О. Дмитриева

Образовательная среда в эпоху визуального поворота – трансформация восприятия

Аннотация:

Статья посвящена проблемам изменения восприятия информации в эпоху преобладания клипового мышления, активизации визуального начала в культуре и образовании. Анализируется опыт применения, выявляются проблемные места и потенциал использования компьютерных технологий и методов когнитивной визуализации в образовательном процессе.

Ключевые слова: клиповое мышление, визуализация информации, методы когнитивной визуализации, ментальная карта, концепт-карта, визуальная компетенция

Об авторе: Дмитриева Светлана Олеговна, кандидат искусствоведения, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: ru-ds@list.ru

Древние греки за дриадами не видели леса.

Г-К. Честертон

Проводя поиск в Сети, мы не видим леса за деревьями.

Мы даже не видим самих деревьев.

Мы видим отдельные ветки и листья.

Н. Карп

Принципиальное изменение способов передачи информации в современной культуре уже не первое десятилетие вызывает активный отклик ученых самых разных профессиональных направлений. Многообразие областей исследования, подходов и оценок

не препятствует единству проблемного поля. Трансформация когнитивных функций человека ярко проявляется, в том числе, в сфере образования и именуется клиповой культурой, клиповым мышлением либо клиповым восприятием. Ключевой вопрос, волнующий сегодня специалистов – как должна реагировать на эти изменения образовательная система? В числе наиболее актуальных проблемных зон – границы и методики использования техник визуализации, адаптирующих информацию к особенностям современного восприятия.

Трансформации восприятия – истоки, этапы, результаты

Большинство исследователей единодушны в понимании исторических причин и предпосылок развития клипового мышления. Исток его – в трансформации медиа, которые, по основополагающей мысли М. Маклюэна [6], влияют на человека не только своим содержанием, но и способом подачи информации. Такие изменения трактуются либо как эволюционные этапы: печатный станок - газета - телеграф – интернет [13], либо как сдвиги информационных революций: от цивилизации памяти к цивилизации книги и, наконец, к цифровой цивилизации [9]. В работах разных авторов выделяются наиболее значимые этапы в изменении коммуникационных систем XX в., сформировавшие феномен мозаичной (А. Моль) или клиповой (Э. Тоффлер, [12]) культуры. К ним относятся: структура номера газеты – «клиппинг» - нарезка статей, все же еще объединенных единством тематики номера, «зеппинг» - переключение каналов телевидения и, наконец, мозаика новостной ленты социальных сетей, предполагающая мгновенное восприятие информационных блоков, никак не связанных ни по стилю, ни по содержанию.

Единое мнение складывается у исследователей и по отношению к результатам трансформации восприятия. При этом позитивные изменения, которые перечисляют некоторые авторы, например, американский психолог Л. Розен [16], скорее связаны с процессами самосохранения человека. Сильная сторона «поколения I» (Internet Generation) - быстрота и способность к многозадачности - стала результатом естественной защиты от лавинообразного увеличивающегося потока информации. Однако адаптация к такому потоку оборачивается, как это следует из уже проведенных на сегодняшний день исследований [2; 3; 8], стереотипностью мышления и поверхностностью восприятия, неумением видеть объект как целое, потерями в области концентрации внимания и памяти. Даже без учета увеличения количества когнитивных отклонений у детей, следствия таких защитных механизмов выглядят удручающе: снижение концентрации внимания,

нарушение последовательности сохранения осознанной информации (долговременная память), сложность работы с длинным текстом, проблемы с выявлением вариантов интерпретации и структуры текста. Основная информация, воспринимаемая сегодня человеком – визуальная и аудиальная – оценивается эмоционально, по принципу удовольствия/неудовольствия. В результате возникают проблемы осмысления воспринимаемой сенсорными системами информации и, как следствие, – сложность формулирования и выражения своих собственных мыслей, подверженность манипуляциям сознанием. Все перечисленное отражается не только на поколении Z, но охватывает поколение Y и даже X [5]. Современные исследования показывают, что во всех возрастных группах есть определенная доля людей с преобладающим клиповым мышлением [2, с. 96].

Запрос на максимальную скорость и при этом яркость восприятия и эмоционального отклика ведет к включению, а затем и к преобладанию в информационном потоке визуального компонента над вербальным. Как мы помним, М. Маклюэн характеризовал этот процесс как возвращение к дотекстовой эпохе, в которой линейная последовательность знаков перестает быть базой культуры [6]. Однако основной конфликт сегодня разгорается не между текстом и образом, а между двумя способами восприятия – погружением и переключением, это конфликт понятийной и альтернативной культуры (от «альтернатива» – чередование) [13]. По образному сравнению Н. Карра, современный человек не исследует глубины океана текстов с помощью акваланга, а подобно управляющему гидроскутером, скользит с огромной скоростью по поверхности [5, с. 6].

Стратегии адаптации

Сфера образования, конечно, не могла игнорировать подобные изменения принципов восприятия учебной информации. Обобщая, можно сказать, что было предложено два основных варианта решения проблемы. Первый встречается реже и часто маркируется как «ретроградный» – борьба за уходящие навыки линейного мышления, борьба за текст. «Новаторский» способ предпочитает адаптацию образовательных технологий к новым нормам восприятия студенческой аудитории. При этом адаптация зачастую понимается как попытка приспособить учебную информацию «под эпоху», делая ее более доступной, краткой и яркой, то есть подходящей для клипового восприятия.

Язык образов древнее языка условных символов, и эмоционально насыщенный образ-картинка запоминается легче и быстрее, чем информация в виде букв и цифр. Необходимость максимальной скорости восприятия больших объемов информации ведет к

замене смысла кадром, зачастую вырванным из контекста. Поэтому попытки адаптации образования к клиповому восприятию привели к выделению в качестве ведущей стратегии использование разнообразных технологий визуализации. Так же как «пост» в социальных сетях не воспринимается без картинки, так и подача образовательной информации без визуальных компонентов кажется сегодня безнадежным анахронизмом. На текущий момент накоплен солидный арсенал приемов, включающий свет, звук, образ, знак, символ. Ряд визуальных технологий начинается со ставшей уже классической техники презентации и далее выходит на просторы творческих инициатив, большинство названий которых вошли в наш язык без перевода: видеоролики, скетчинг, скетч-нотинг, скрайбинг, таймлайн, иконографика, майнд-карты, 3D моделирование, VR и AR реальность и т.д. Digital-эра завораживает своими возможностями и, казалось бы, все ее пути ведут к быстрому совершенствованию образовательного процесса. Однако на практике оказывается, что итоги не всегда совпадают с ожиданиями.

Анализ восприятия даже такой простой формы визуализации как сопровождающая лекцию слайдовая презентация, показывает, что многие глубинные факторы зачастую не учитываются, не анализируются, но именно они во многом определяют конечный результат использования технологии. И дело даже не в том, что могут быть использованы презентации низкого качества. Составленные без учета принципов работы с образом и знания основных законов соотношения образа и текста, они могут скорее мешать, а не помогать восприятию. Не меньше вопросов вызывает и качественно сделанная, яркая, насыщенная презентация.

Так, по мнению исследователей [1, с. 96], использование презентации, сопровождающей лекцию, может вызывать у учащегося конфликт между видением и пониманием. Внимание к движению, заложенное как у человека, так и у животных на базовом уровне восприятия, заставляет концентрироваться, прежде всего, на смене слайдов или на демонстрируемых видеофрагментах. Процесс понимания, напротив, требует некоторой рефлексии, возможности дистанцироваться от ярких эмоциональных впечатлений, диктуемых образом, приостановить внешнее зрение, направить взгляд внутрь, на суть идеи. Итак, чем более яркий сопровождающий визуальный материал создает преподаватель, пытаясь заинтересовать и мотивировать студента, тем труднее может оказаться последнему вникнуть в глубину проблемы. Попытки студентов заснять на мобильный телефон слайды свидетельствуют о том, что сама презентация воспринимается не как повод, а как готовый итог рефлексии, который нужно просто зафиксировать и

воспроизвести при ответе. Преподаватель, в таком случае, превращается лишь в посредника, воспроизводящего информационную технологию на экране.

Конечно, основа информации заложена не в слайдах, а в соотношении их с комментариями, смысл представленного визуального образа раскрывается только в диалоге о нем. Однако клиповое мышление приспособлено к быстрому восприятию эффектных картинок и коротких текстов, поэтому задача сохранить баланс между слайдами презентации, комментариями лектора и обращением к внутреннему опыту чаще оказывается непосильной для современного студента. В результате презентация зачастую не помогает, а напротив, ограничивает восприятие материала, сводит его к поверхностному.

Еще одна грань проблемы - влияние технологии на самого преподавателя. С одной стороны, презентация облегчает выстраивание логики занятия и работу со структурой. Однако подводным камнем того же процесса оказывается зависимость лектора от порядка слайдов. Если предположить, что общение со студентами – творческий диалог, то в нем должна быть заложена возможность случайности, неожиданности. Но тогда подобное искусство общения предполагает уход от диктата презентации, свободу последовательности обсуждения материала, принцип новизны каждого занятия, актуальный, для произведений зрелищных искусств, где каждая пьеса уникальна. Добавим, что составители презентаций в процессе саморефлексии отмечают тенденцию к все более яркой, эффектной, но при этом и более схематичной подаче материала.

Сторонники максимальной визуализации образования могут возразить, что подобная критика относится только к наиболее архаичному способу – презентации из слайдов. Кажется, что проблемы снимаются, если подключить более новаторские технологии: свет, звук, видео. Считается, что такая подача материала компенсирует зрелищную скудость учебного процесса, лекция-визуализация помогает восприятию путем включения движущихся зрительных образов. Действительно, реакция активизации внимания в ответ на попавшее в поле зрения активное движение способна пробуждать интерес, который в свою очередь должен был бы повысить мотивацию и, как следствие, качество образования. Однако результаты исследования влияния динамично поданной информации на формирование индивидуального впечатления дают иные результаты.

В одном из подобных исследований, проведенном среди 20-25 летних студентов ВШЭ [4], экспериментальной группе предлагали работать с клиповым предъявлением – посмотреть фильм, смонтированный из символически насыщенных изображений, показ которых чередовался с интервалом 3 секунды. Участникам второй - контрольной группы –

было предложено из того же изобразительного материала выбрать одну картину для анализа. Обе группы в процессе эксперимента должны были ответить на одни и те же вопросы. Как показал последующий анализ, ответы экспериментальной группы (фильм-виртуальная выставка) – были более короткими и общими, в них отмечено снижение рефлексии, отсутствие обращения к символическому ряду картин, и, в целом, более поверхностное восприятие. В ответах контрольной группы (самостоятельный выбор одной картины из того же изобразительного материала) больше видна работа воображения, переживаний, интуиции, через которые раскрывается смысл символического начала. Важно, что обнаруженные символические смыслы используются студентами контрольной группы как инструмент самопознания. Сопоставляя показатели ответов участников эксперимента в двух группах, исследователи делают вывод о том, что клиповое предъявление символического изображения блокирует формирование впечатления.

Вспомним также классическое сравнение работы воображения при чтении книги и восприятия уже готовых образов, заданных режиссером в кино-тексте. Эти выводы станут еще более актуальными, если мы сравним восприятие текста и видеоролика. Как отметил, К. Г. Фрумкин [13], современная культура обратилась от авторской книги к словарю, а от фильма к клипу, и, строго говоря видеоролик, в отличие от фильма, это даже не кино-текст. Визуальное восприятие здесь не только заменяет воображение, но и оттесняет синтез, анализ, способность к выявлению структуры. Выводы психологов, анализирующих последствия преобладания визуальных роликов в учебной информации неутешительны - они отмечают сложность выражения такого восприятия словами и, как следствие, апелляцию к уже готовым словесным структурам [1, с. 99]. Наблюдение за постоянными попытками студентов использовать такие «готовые структуры» как в письменной, так и в устной речи, как правило, знакомо всем преподавателям.

Отметим еще одну грань темы - ценность применения автоматизации и виртуальных симуляторов в процессе обучения профессиональным навыкам. Круг проблем в этой области чрезвычайно широк: от потери навыков верного реагирования в экстремальной ситуации у летчиков, привыкших к автопилоту (анализ подобных аспектов автоматизации человеческого труда подробно разбирает в своей книге Н. Карр [5]), до этических проблем – использование студентами-медиками команды «отмена» при совершении виртуальных манипуляций на тренажере снижает зону ответственности за необратимость своих действий [1, с. 100].

Методы когнитивной визуализации

Однако система образования не может игнорировать изменения восприятия в молодежной среде. Переход от доминирования слова к образу, когнитивные сложности при восприятии длинного текста заставляют искать компромиссы и новые подходы. Важно осознать, что цель использования цифровых технологий не заключается в освоении программного продукта. На первый план должны выходить более сложные умения как преподавателя, так и студента - навыки работы с образом, способность выстраивать корректное соотношение образа и текста, в широком смысле «дизайн» подачи учебной информации, компетенция визуальной грамотности.

Широкие возможности могут предлагать и технологии, формально не связанные с компьютерными программами, например, методы так называемой когнитивной визуализации, когда информация не просто представлена посредством образа, а визуальное требует анализа, сопоставления, размышления. На самом деле, эти способы не новы, к ним относятся давно вошедшие в нашу жизнь (и в образование) карты диаграммы и схемы. Однако стремительные изменения восприятия побуждают исследовать возможности, прежде всего, наиболее творческих технологий визуализации, например, различные виды когнитивных карт.

Методика создания одного из видов подобных карт – mind-maps, автором которой признан Т. Бьюзен, предполагает наличие высокого творческого потенциала, но при этом такие карты отражают индивидуальность составителя, его личные ассоциации, мысли, чувства. В результате практика применения mind-maps, воспринимаемых как ассоциативные карты «моего ума», в работе со студентами будет простым отражением как плюсов, так и минусов клипового мышления [10, с. 236].

Другой тип когнитивных карт – концептуальные карты (concept-maps) - направлен на выявление логических связей внутри осваиваемого текста, понятия или идеи. Структура таких карт менее похожа на ветви, разрастающиеся из центрального понятия и основанные на личных ассоциациях, и, напротив, может иметь несколько центров, включать разные типы связи (причины, следствия, обобщение, анализ). Именно такой тип когнитивных карт призван скорректировать основной недочет клипового мышления – неумение проводить структурный анализ текста. Особенно ярко этот принцип проявляется, если поставить задачу создания карты на основании сопоставления нескольких текстов (концепций) разных авторов. Можно сказать, что такой тип визуализации не идет на поводу

современности, делая уступки клиповому восприятию, а наоборот, способен развивать недостижимый идеал – совмещение понятийного и клипового мышления.

Американский исследователь Дж. Пелли проанализировал, каким образом использование концептуальных карт помогает задействовать сильные и при этом развивать слабые стороны студентов разных психотипов согласно типологии Майерс-Бриггс [15]. Методика конструирования концептуальных карт дает возможность как продумывать информацию индивидуально, так и вербализировать ее в группе (для интро- и экстравертов). В процессе составления такого типа визуализации необходимо освоить умение включать в карту множество деталей (психотип, опирающийся на ощущения), и, одновременно, видеть соотношения между ними (интуитивный тип). Для получения полноценной концептуальной карты необходимо не только выстроить информацию иерархически, но и насытить ее эмоциональными образами (для рационалистов и студентов, эмоционально воспринимающих информацию).

Для эпохи визуального мировосприятия, преобладающего в клиповом мышлении важно, чтобы концептуальная карта была привлекательна по внешнему виду, включала цвет, эмоционально насыщенные образы, которые позволяют запоминать как детали, так и обобщенные блоки информации. Однако основа методологии составления концептуальных карт предполагает, как раз, работу со слабыми звеньями клипового мышления: умение выделять основную мысль, находить ключевые понятия, которые станут узловыми точками, исследовать и построить иерархическую структуру. Особенно важно развить навыки продумывания уровней иерархии и взаимосвязи между элементами (так называемые перекрестные ссылки), одновременно удерживая внимание на основной идее и задаче. Все эти способности, как мы видим, совпадают с белыми пятнами клипового восприятия. Обсуждение и сравнительный анализ разных вариантов карт в группе позволяет развивать критическое мышление. Причем такой отно-дизайн невозможно «скачать», думать приходится самостоятельно даже при использовании специализированных программ (например, VUE - Visual Understanding Environment [8, с. 194]).

Интересны выводы самих студентов о результатах работы с концептуальными картами. Студенты отмечают, что у них меняется способ чтения текстов [15]. Конкретная учебная цель (составление карты) заставляет в процессе чтения выделять основные идеи и понятия, на основе которых можно сгруппировать остальную информацию, видеть и продумывать связи в структуре текста, эта же задача мотивирует вторичное обращение к

тексту, позволяющее включить в карту все необходимые детали. Кроме того, обсуждение различных способов составления карт побуждает студентов обратиться к рефлексии и анализу своего способа восприятия информации, осознать сильные и слабые стороны индивидуального процесса обучения, понять, что каждое такое слабое звено можно развивать в процессе тренировки.

По мнению преподавателей, этот способ визуализации учебного материала помогает студентам приобрести уверенность в возможности преодоления своих слабых мест, увидеть динамику усвоения и анализа все более сложного материала. Для преподавателя такие формы визуализации, составленные самими студентами, становятся не только платформой для диалога в группе, но и поводом к самоанализу. Дж. Пелли приводит пример того, как преподаватель изменил структуру собственной лекции, проанализировав составленные по ней карты студентов [15].

Причем эффективность работы с концептуальными картами не зависит напрямую о того, используется ли специальное программное обеспечение или все рисуется рукой на бумаге. Поэтому при выборе технологий визуализации акцент должен быть поставлен не на новейших компьютерных программах, а на анализе свойств тех или иных инструментов и соотношении их с конкретными образовательными задачами и результатами.

Итак, проблема изменения восприятия информации стоит достаточно остро для современной системы образования и требует многогранных психологических, социологических, лингвистических исследований. Подобные исследования могут лечь в основу трезвого подхода к применению новых технологий визуализации, дадут возможность не попасть под диктат новизны программных продуктов, не подстраиваться под тенденцию упрощения, диктуемую клиповой культурой, а, напротив, попытаться с максимальной пользой соотнести предлагаемую технологию с запросами и проблемами конкретной аудитории. В основе, несомненно, должна лежать высокая степень визуальной компетентности преподавателя в работе с материалом, поэтому в актуальных образовательных программах необходимо сосредоточиться не только на освоении компьютерной технологии, а на выработке навыков работы с образом, стилем, знаком и символом.

Библиографический список:

1. Волкова С.В. Феноменология электронных образовательных технологий [Электронный ресурс] // Вестник НГПУ. 2018. №1. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32573588> (Дата обращения: 2.04.2019).

2. Горобец Т.Н., Ковалев В.В. «Клипное мышление» как отражение перцептивных процессов и сенсорной памяти [Электронный ресурс] // Мир психологии. 2015. № 2. С. 94-100. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23826337> (Дата обращения: 15.01.2019).
3. Землинская Т.Е., Ферсман Н.Г. Методики вузовского обучения в контексте клипового мышления современного студента [Электронный ресурс] // Научно-технические ведомости СПбПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. №4 (255). С. 153-160. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28099529> (Дата обращения: 19.02.2019).
4. Исаева А.Н., Малахова С.А. Клиповое мышление: психологические дефициты и альтернативы (пространственный фокус) [Электронный ресурс] // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2015. Т. 84. № 4. С. 177-191. Режим доступа: <https://publications.hse.ru/articles/165195675> (Дата обращения: 10.01.2019).
5. Карр Н. Пустышка: Что Интернет делает с нашими мозгами. СПб.: BestBusinessBooks, 2012. 256 с.
6. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: становление человека печатающего. М.: Академ. проект, 2005. 496 с.
7. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М.; Жуковский: КАНОН -пресс-Ц: Кучково поле, 2003. 464 с.
8. Нечунаев В.В. Преодоление клипового мышления у современных студентов [Электронный ресурс] // Reflexio. 2018. Т. 11. № 2. С. 181-207. Режим доступа: <https://journal.nsu.ru/index.php/reflexio/article/view/46> (Дата обращения: 12.05.2019).
9. Переслегин С. Клиповое мышление: Риски и возможности. Задачи Медиа в современном образовании [Электронный ресурс] // Доклад на III Психонетическом конгрессе, 9-11 сентября 2016 г. Режим доступа: <http://psychotechnology.ru/news/programma-iii-psihoneticheskogo-kongressa> (Дата обращения: 23.03.2019).
10. Погребнова А.Н. К вопросу об актуальности метода когнитивной визуализации и его применении к решению различных учебных задач в контексте высшей школы [Электронный ресурс] // Педагогический журнал. 2017. Т. 7. № 4 А. С. 230-246. Режим доступа: https://mgimo.ru/library/publications/k_voprosu_ob_aktualnosti_metoda_kognitivnoy_vizualizatsii_i_ego_primenenii_k_resheniyu_razlichnykh_u/?sphrase_id=22171753 (Дата обращения: 18.03.2019).
11. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 781 с.
12. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
13. Фрумкин К.Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // INETERNUM. 2010. Т. 1. С. 26-36.
14. Berezovskaya I.P., Shipunova O.D. Reverse side of multimedia pedagogics: clip thinking [Electronic resource] // Mediterranean journal of social sciences. 2015. № 6. P. 277-280. URL: <https://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/viewFile/8019/7684> (Access: 03.05.2019).
15. Pelley J.W. Effect of concept mapping on Meyers-Briggs personality types [Electronic resource] // Concept Maps: Theory, Methodology, Technology Proc. of the Second Int. Conference on Concept Mapping. San José, Costa Rica. 2006. URL: <http://cmc.ihmc.us/cmc2006Papers/cmc2006-p175.pdf> (Access: 18.02.2019).
16. Rosen L.D. Me, My Space and I: Parenting the Net Generation. Palgrave Macmillan, 2007. 272 p.

Dmitrieva S.O. Educational environment in the era of visual turn - transformation of perception

The Article is devoted to the problems of changing the perception of information in the era of the predominance of clip thinking, the activation of the visual principle in culture and education. The experience of application, problem places and potential of use of computer technologies and methods of cognitive visualization in educational process are analyzed.

Keywords: clip thinking, information visualization, methods of cognitive visualization, mental map, concept map, visual competence

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-9-30-38

УДК 372.881.111.1

Д. М. Тимушева

Функциональная модель развитого навыка чтения

Аннотация:

В современном мире чтение – один из способов получения информации независимо от возраста и образования человека. В статье кратко рассмотрена классическая концепция формирования навыка чтения в онтогенезе, предложенная Т. Г. Егоровым. Анализируются некоторые зарубежные представления о структуре навыка чтения и применяемые в других странах методы диагностики структурных компонентов этого навыка. Описывается функциональная модель развитого навыка чтения, разрабатываемая на примере чтения иностранного текста.

Ключевые слова: навык чтения, семантизация, смыслообразование, динамический профиль чтения, методика пословного чтения

Об авторах: Тимушева Дарья Михайловна, Государственный университет «Дубна», ассистент кафедры иностранных языков и русского как иностранного; эл. почта: timusheva.darja@yandex.ru

Введение

Несмотря на существующее в наше время многообразие средств передачи информации, чтение сохраняет свою значимость. Обучение чтению – одна из главных задач педагогической психологии младшего школьного возраста. Федеральный государственный образовательный стандарт третьего поколения подчеркивает важность умения извлекать информацию, в том числе из печатных источников, поэтому при формировании профессиональных компетенций без чтения не обойтись [10]. Умение читать и понимать иностранные тексты – одно из требований к специалистам по обучению иностранным языкам. Однако при формировании навыка чтения, как и при его восстановлении или исправлении в случае расстройств возникают проблемы, которые нельзя решить без понимания самого механизма чтения.

Методологические подходы

Стоит отметить, что общепризнанного представления о целостной структуре развитого навыка чтения еще не выработано. Разные авторы расходятся во мнениях, какие элементы структуры чтения считать главными. В публикациях на эту тему можно найти немало эмпирических данных, относящихся ко всем уровням навыка чтения – от распознавания букв до понимания смысла всего текста [5, с. 15]. В этой области существует еще много пробелов, особенно теоретических, которые не позволяют выработать общие принципы обучения чтению. Однако стратегическое направление для исследований этого навыка было обозначено психологом и педагогом, специалистом в области чтения Т. Г. Егоровым еще в 1950-х гг. [2]. Его онтогенетическая модель навыка чтения до сих пор остается непревзойденной по своей объяснительной силе и глубине психологического содержания. Т. Г. Егоров выделяет три этапа формирования навыка чтения: аналитический (здесь сознание читающего направлено на овладение частями целого), синтетический (здесь читающий опирается на опыт, накопленный на первом этапе, возникает возможность синтеза); и заключительный этап автоматизации – выправляющий, уточняющий и закрепляющий те связи, которые были сформированы на первых двух этапах.

В структуре навыка чтения, как и любых других навыков, выделяют две подсистемы – автоматической обработки и смыслообразования. Каждая из них состоит из нескольких уровней обработки воспринимаемого содержания. Подсистема автоматической обработки включает долексический и лексический уровни. Подсистема смыслообразования осуществляется на нескольких подуровнях сознательного регулирования. Чтобы тот или иной процесс протекал автоматически, он должен быть быстрым, легким в исполнении, автономным и не требовать привлечения внимания или сознательного контроля [9, с. 199]. Эти признаки легко обнаруживаются в навыке чтения.

Существует традиция разделять структуру навыка на две подсистемы – автоматическую (осознаваемую) и неавтоматическую (неосознаваемую). Однако такое разделение нельзя рассматривать как абсолютное. Относительность этого разделения в том, что при накоплении опыта чтения высокоуровневые функции смыслообразования, протекающие вначале более медленно и под сознательным контролем, так же автоматизируются, как и низкоуровневые функции долексической и лексической обработки. Сокращение и автоматизация умственных действий, какими бы сложными эти действия ни были – проявление общего закона психодинамики. Применительно к чтению

это означает, например, что качественное понимание текста возможно как при медленном, так и при быстром чтении: все зависит от профессионализма чтеца. Поэтому известное положение о реципрокности отношения между скоростью чтения и пониманием [4, с. 113] необходимо применять с ограничением: оно справедливо только для конкретного человека и конкретного текста при определенных условиях.

Методы исследования навыка чтения

Теперь о методах исследования навыка чтения. Обычно для диагностики различных компонентов навыка чтения применяются те же методики, которые используются в исследовательских целях. Пожалуй, самая традиционная из них – методика регистрации движений глаз при чтении. В посвященных ей главах книги ведущих специалистов в этой области К. Райнера и А. Поллацека [10, с. 115] показано, что движения глаз тесно связаны с когнитивными процессами, участвующими в чтении. Распространена также методика громкого чтения: произнесенный чтецом текст записывается, что позволяет в дальнейшем оценить время и правильность чтения. В отдельный класс входят методики с управлением режимом предъявления текста чтецу. Среди них различаются методики с программируемым управлением, где экспозиция следует заданному алгоритму, и методики с аутоуправлением, где экспозиция определяется самим читающим.

Обратимся к «оффлайновым» методикам диагностики способностей к беглому чтению. В их основе лежит несколько устаревшее представление о чтении как о линейной системе операций. Приведем описание некоторых из них.

- 1) Диагностика семантических навыков (semantic skills), куда входят:
 - семантический поток (semantic fluency) – придумывание слов, содержательно связанных с предъявленным (целевым) словом;
 - оценка синонимичности (synonym judgement task): – умение определить, являются ли предъявленные слова синонимами [5].
- 2) Диагностика фонологических навыков (phonological skills) – чтение псевдослов или неслов.
- 3) Диагностика скорости называния (naming speed). Предъявляется набор из 50 знаков (букв или цифр), их нужно как можно быстрее назвать в последовательном порядке.
- 4) Диагностика лексических навыков (lexical skills). Здесь два варианта:

- проверка словарного запаса (vocabulary): предъявляется несколько картинок; экспериментатор называет слово, а испытуемый должен указать на соответствующую картинку, причем сложность проб все время возрастает;
- называние словом (word naming): предъявляется картинка, и нужно дать ей точное название.

5) Диагностика семантических ассоциаций (semantic associations) – проверка способности организовывать слова соответственно абстрактным категориям. Испытуемому зачитывается небольшая последовательность слов; затем задается вопрос по обработке (process question): какое из слов (... или ...) было предъявлено. После этого испытуемый должен воспроизвести слова.

6) Тест общих знаний (general knowledge): испытуемый отвечает на несколько общеобразовательных вопросов. Например, для канадца это вопрос: «Какого цвета канадский флаг?»

Используется также тест невербального интеллекта, оценивается понимание устного текста, понимание прочитанного текста, распознавание слов. Отметим методику быстрого чтения (fast reading) – испытуемый читает одну страницу текста про себя в течение 3 мин.

Данные методики предназначены для оценки базовых операций, которые лежат в основе навыка чтения и могут использоваться по большей части на начальных этапах его формирования, когда отдельные звенья в ряде последовательных операций уже сложились, но еще нет той координации, которая обеспечивается системой целостного смыслообразования. Существующие методики оценки навыка осмысленного (понимающего) чтения в подавляющем большинстве представляют собой своеобразные тесты, которые применяются не в самом процессе чтения, а после его полного завершения. Их более детальное описание представлено в работе Б. Г. Мещерякова и А. И. Назарова [5].

Функциональная модель навыка понимающего чтения

Перейдем к функциональной модели развитого навыка понимающего чтения. Применение уже сложившегося навыка – не менее интересная и важная тема, чем его формирование. Но здесь необходимо перейти к модели функционирования развитой системы. Представить ее можно следующим образом.

В процессе формирования навыка чтения на низовых уровнях его управления образуются «фоновые синергии», которые в дальнейшем запускаются некоторым минимумом афферентирующей информации и выполняют в течение нескольких десятков

мс всю совокупность операций, обеспечивающих превращение перцептивного материала в разномасштабные семантические единицы – слова, синтагмы, фразы. Именно такие полимодальные единицы служат сырым материалом, своеобразной *биодинамической тканью* (В. П. Зинченко использовал этот термин в контексте микродинамики двигательных действий; в нашем контексте он уместен, так как составной частью упомянутых единиц является сенсомоторный процесс их внутренней артикуляции).

Далее из нее на более высоких уровнях и на основе накопленного в памяти опыта создаются смысловые образы. Последние, будучи результатом интеграции зафиксированных в рабочей памяти значений нескольких воспринятых до этого слов, становятся своего рода «праймами», задающими начальные условия для восприятия и семантизации последующих текстовых фрагментов. Создание смыслового образа, фиксируемого в сознании читающего, позволяет также освободить рабочую память для загрузки в нее очередной порции семантических единиц. Тем самым обеспечивается непрерывность процесса чтения. Очевидно (и подтверждено экспериментальными данными – например в работах Н. И. Жинкина [3, с. 105]), что во время чтения идет процесс внутреннего проговаривания воспринимаемых слов. Следовательно, смысловые образы, которые создаются параллельно с восприятием слов, должны иметь неречевую репрезентацию в сознании. Иначе невозможно было бы образование семантических единиц, составной частью которых является артикулирование входящих в них слов. Мы не можем одновременно произносить (артикулировать) даже про себя несколько разных слов. Из этого следует, что сознание читающего функционирует в двух планах – перцептивно-речевом и рефлексивно-образном. Первый обеспечивает семантизацию перцептивного материала на уровне значений отдельных слов, второй – создание на их основе разномасштабных смысловых фрагментов (от синтагм до образа всего прочитанного текста). Обретение такого второго плана сознания и дальнейшее совершенствование его функционирования – главная отличительная черта опытного чтеца и в то же время условие, без которого невозможно осмысленное чтение.

Такова макроструктура процесса чтения. О некоторых ее деталях рассказано в работах, где представлены экспериментальные данные, полученные с применением методики пословного чтения [7]. Методика пословной экспозиции позволяет в ходе *самого процесса чтения* регистрировать его динамический профиль (ДПЧ), представляющий собой зависимость времени чтения каждого слова от его порядкового номера в

последовательности текстообразующих слов [6]. Пример такого профиля приведен на рисунке 1.

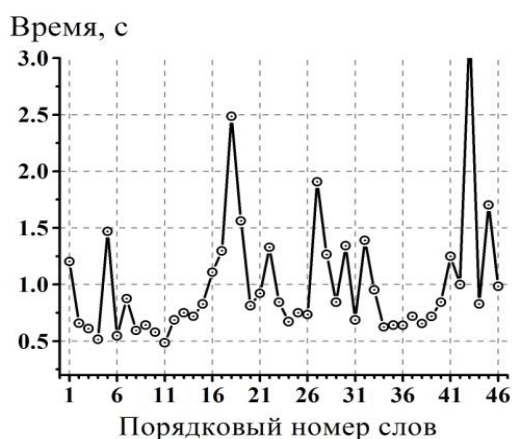

Рис. 1. Пример динамического профиля чтения простого научного текста (46 слов), предъявляемого пословно в режиме аутоэкспозиции. Каждая точка на графике соответствует интервалу времени $t_n - t_{n-1}$, где n – текущее слово, $n-1$ – предыдущее слово

Анализ ДПЧ показывает, что скорость – интегральный показатель, отражающий работу различных операциональных составляющих процесса чтения. Нижняя граница временных интервалов ДПЧ определяется динамическими свойствами восприятия слова и его внутренней артикуляции, конечный продукт которых – фиксируемое в сознании значение слова. Хотя здесь есть индивидуальные различия, они невелики: по данным эксперимента, разница между средними минимумами времени восприятия для быстро и медленно читающих составляет не более 100 мс.

Верхняя граница временных интервалов ДПЧ определяется динамическими свойствами смыслообразования, то есть интеграции нескольких накопленных значений в единый смысловой фрагмент. Здесь мы наблюдаем значительные не только межиндивидуальные, но и внутрииндивидуальные различия, величина которых измеряется несколькими сотнями миллисекунд, а иногда и несколькими секундами. Важно, что упомянутые эксперименты подтвердили тренируемость скорости смыслообразования. По-видимому, оно в своем индивидуальном развитии проходит обычный путь формирования всякого навыка – от медленного развертывания во времени последовательности сознательно контролируемых действий до быстро исполняемого, автоматического действия, при котором в сознании фиксируется только конечный результат.

Есть основание предположить, что величины временных интервалов, из которых состоит ДПЧ, отражают степень освоения индивидом навыка смыслообразования: чем меньше максимумы интервалов, тем выше уровень освоения. Несомненна связь динамического профиля чтения с индивидуальными свойствами рабочей памяти – ее объемом и быстродействием. Значения последовательно воспринимаемых слов должны быть удержаны на некоторое время в рабочей памяти, чтобы на их основе мог быть создан смысловой фрагмент

Об активности рабочей памяти можно судить по трем циклически повторяющимся фазам динамического профиля:

- 1) постепенному нарастанию времени чтения нескольких соседних слов (положительные сдвиги кривой временных интервалов);
- 2) постепенному уменьшению этого времени после достижения им максимального значения (отрицательные сдвиги кривой);
- 3) относительной стабилизации времени пословного чтения на минимальном уровне (отсутствие значимых сдвигов кривой).

По существу, на протяжении этого трехфазного цикла происходит регулирование скорости поступления информации в рабочую память. Первая фаза связана с закреплением в рабочей памяти значений последовательно воспринимаемых слов и развитием процесса смыслообразования; вторая – с завершением образования смыслового фрагмента; третья – с накоплением в рабочей памяти нового набора значений. Длительность этих фаз и количество охватываемых ими слов характеризуют «пропускную способность» как рабочей памяти, так и смыслообразования. Интересно, что оцениваемый по этим критериям объем рабочей памяти (2-3 слова) оказывается в среднем меньше объема кратковременной памяти (7 ± 2 для независимых слов).

На основе разномасштабных смысловых фрагментов, образующихся в процессе чтения, возникает понимание прочитанного. Понимание – это конечный полимодальный продукт развитого навыка чтения, имеющий сугубо субъективную форму своей репрезентации в опыте индивида. Будучи вначале максимально «привязанным» к содержанию прочитанного, понимание, удаляясь со временем от своего первоисточника, «вликает» приобретенное знание в содержание внутреннего опыта индивида, который в конечном счете переживает это как радость чтения. А без такой радости не может быть потребности в чтении. Появляется надежда, что с помощью регистрации динамического

профиля чтения, о котором сказано выше, можно будет восполнить пробел в наших знаниях о высших уровнях смыслообразования.

Более того, извлечение фактуальной, концептуальной и подразумеваемой (подтекстовой) информации, согласно И. Р. Гальперину [1, с. 232], основано на умениях читающего понимать смысл текста. В процессе обучения чтению текстов на иностранном языке преподаватель судит о степени понимания косвенно – по результатам проверки правильности и точности воспроизведения учащимся прочитанной информации, ответов на вопросы преподавателя, заполнения пропусков в тексте и т.д. Однако подавляющее большинство способов проверки понимания прочитанного применяется лишь после окончания чтения текста или его фрагментов. Возникает вопрос: нет ли в самом процессе чтения таких объективных признаков, которые позволяли бы судить о динамике формирования и степени зрелости навыка понимающего чтения?

Представляется, что ответ на этот вопрос можно получить, если использовать метод пословного чтения, предложенный А. И. Назаровым и апробированный в ряде пилотажных экспериментов (в основном на материале русскоязычных текстов). При этом предметом исследования выступает динамика формирования навыка чтения в период от пословного перевода английских слов на родной язык (промежуточная стадия) до завершающей стадии, когда для полноценного понимания прочитанного текста такого перевода не требуется.

Вывод

Предполагаемое исследование целесообразно провести на студентах неязыковых специальностей, которые в течение двух-трех лет обучались английскому языку по соответствующим учебным программам. Ожидается, что в ходе исследования можно будет получить экспериментальные данные, подтверждающие возможность использования метода пословного чтения для оценки уровня зрелости навыка чтения иностранного текста, конкретно – представить состав операций, лежащих в основе понимающего чтения, а также сформулировать основные методические рекомендации для практического применения метода пословного чтения при обучении иностранному языку.

Библиографический список:

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е. М: КомКнига, 2006. 144 с.
2. Егоров Т.Г. Психология овладения навыком чтения. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1953. 264 с.

3. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество: Избранные труды. М.: Лабиринт, 1998. 368 с.
4. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2001. 432 с.
5. Мещеряков И.Б., Назаров А.И. Понимающее чтение учебного текста при различных условиях его экспозиции. Ч. 1 и 2. [Электронный ресурс] // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2015. № 3. С. 20-43. Режим доступа: <https://psyanima.su/> (Дата обращения: 10.08.20).
6. Назаров А.И., Мещеряков Б.Г., Грищенко Д.Н. Значение и смысл: динамика их взаимопереходов во время чтения текста [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2010. Т. 6 № 3. С. 6-16. Режим доступа: http://psyjournals.ru/kip/2010/n3/30822_full.shtml (Дата обращения: 10.08.20).
7. Назаров А.И., Соколов Р.В. Микродинамика пословного чтения // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 147-154.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (от 07.06.2012 с изменениями от 29.12.2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_12/m413.pdf (Дата обращения: 05.04.2020).
9. Logan G.D. Toward an instance theory of automatization // Psychological Review. 1988. № 95 (4). P. 492-527.
10. Rayner K., Pollatsek A. The psychology of reading. Washington: Lawrence Erlbaum Associates, Routledge, 1994. 544 p.

Timusheva D. M. **Functional model of the developed reading skill**

In the modern world reading is one of the main ways of getting information irrespective of the age and education of a person. This article briefly considers the classical concept of the formation of reading skills in ontogenesis, proposed by T.G. Egorov. Some foreign ideas about the structure of reading skills are analyzed and the methods used there to diagnose the structural components of this skill. The functional model of the developed reading skill being drafted using the example of reading a foreign text is also described in this article.

Keywords: reading skill, semantics, meaning-making, dynamic reading profile, method of word-by-word reading

Социальные проблемы и стратегии их решения

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-9-39-45

УДК 291.1

С. В. Рябцев, П. Е. Кириллов, Л. А. Фомина

Религиозная деструктивность в субкультурных группировках

Аннотация:

Предпринята попытка раскрыть феномен религиозной субкультуры в ее деструктивных проявлениях. Анализируется влияние на социальные практики субкультурного образа религии. Проведена корреляция религии и субкультуры, что позволяет проследить развитие феномена суеверности вне и внутри субкультурных группировок, внешние их признаки и характерные черты. Обращено внимание на методики, служащие для подавления индивидуальных проявлений личности, достижения целей, обозначенных лидерами групп, в ущерб не только индивиду, но и обществу в целом

Ключевые слова: субкультура, религиозная субкультура, субкультурная религия, субкультурные группы, нетрадиционная религиозность

Об авторах: Рябцев Сергей Викторович, кандидат философских наук, доцент, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: matilda-9972@mail.ru

Кириллов Павел Евгеньевич, кандидат философских наук, доцент, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: kirillov_pe@mail.ru

Фомина Любовь Александровна, Государственный университет «Дубна», магистрант кафедры социальной работы факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: diesduo@mail.ru

Актуальность изучения проблемы взаимосвязи религиозных субкультур и субкультурных религий основывается на противоречии между проявленным в общественных отношениях функционалом той или иной субкультуры и ядром доминирующей культуры. Динамика подобного взаимодействия, его характер и содержание, как демонстрирует практика, развивается в широких пределах от закрытости

и отталкивания с вероятным проявлением агрессии, до компенсаторно-амортизирующих эффектов, сглаживающих воинственность в отрицании «чужих».

Мы предполагаем, что на фоне неизбежной в любой динамической системе системной обособленности субкультурных групп стимулируется идентификационная активность актора по отношению к базовой культуре с подчеркиванием, акцентированием своеобразия и определенной настойчивостью в отстаивании формальных характеристик предпочтительной субкультурной включенности. Особая роль в подобном социокультурном размежевании принадлежит религии, обычно претендующей на эталонное воспроизводство ценностей и консервативно-устойчивое поддержание социальных статусов, влияния и структуры общества. Конечно же, фактором, определяющим актуальность исследования религиозной деструктивности, становится высокий уровень включенности молодежи в такие субкультурные группировки. Впрочем, мы считаем, вслед за рядом авторов, исследовавших проблематику субкультурности, что проявления религиозной деструктивности – естественное для всех половозрастных групп явление в условиях мировоззренческого и когнитивного дефицита, когда в популяции активизируется стремление к минимизации интеллектуальных и временных затрат, обеспечивающих социальную включенность. В таких условиях обостренный интерес к незамысловатой дуально организованной новизне, таинственному и чудесному, приводит пользователей с ограниченным когнитивным диапазоном в разного рода экзотические, нестандартизированные организации, в которых их максимализм, категоричность и эмоциональность находят отклик.

Религиозная субкультура: региональный аспект

Вошедший к середине двадцатого столетия в научный оборот термин «субкультура» означал некоторую совокупность норм и ценностей, коллективного стиля жизни символов и знаковых систем, выделяющих ту или иную группу из большого сообщества. В современных исследованиях субкультура, как она есть, определяется культурой меньшинств и необходимость изучения субкультуры в таком случае обусловлена непрерывностью традиционной культуры. Предполагается, что субкультура, состоящая из носителей традиций, оппозиционных доминирующей культуре, тождественна социальной группе и определяется отдельным направлением социального развития общества.

В аспекте изучения понятия субкультуры можно выделить то обстоятельство, что под религиозной субкультурой, как правило, понимается самостоятельно развивающееся, отделившееся направление субкультуры, которая обладает чертами религиозности, но

неразрывно связана с традиционной культурой. Религиозная субкультура базируется на доктринах традиционной религиозности, доминирующей в конкретном регионе. Идеи и характерные черты религиозной субкультуры изменяются в соответствии с динамикой религиозности региона, базируясь на теории неразрывности и взаимосвязанности [5, с. 10].

Однако не всегда, когда речь идет о религиозной субкультуре, подразумевается положительное влияние на общество, предполагающее набор норм и ценностей, необходимых для поддержания, укрепления и развития системы устойчивых отношений институционального типа. Феномен религиозной деструктивности подразумевает разрушение традиционных норм и практик, имеющих негативное влияние на личность человека [2, с. 319]. Ценности, определенные религией и лежащие в основе человеческой личности, рассматриваются с позиции объективизации религиозного опыта, в зависимости от характера которых способна исказиться экзистенциальная интерпретация религиозных установок. Для каждой религиозной субкультуры характерны определенные нормы, сформированные коллективным религиозным опытом, и имеющие влияние на образ мышления и поведение верующего, а также санкционированные конкретно религиозным обществом [1, с. 158]. В процессе личностного самоопределения верующий постоянно подтверждает степень своего соответствия определенным религиозным нормам, истинность данных принципов в религиозных актах и индивидуальном опыте [4, с. 149]. Тогда возникает возможность классифицировать религиозное девиантное поведение как отклоняющееся от сложившихся исторически социально-религиозных норм и действий, которые стали традиционными в религиозном сообществе.

В целом, рассмотрение понятия деструктивности предполагает направленность на разрушение норм, ценностей, идей – как религиозных, так и социальных в целом. Особое значение имеет контекст феномена деструктивности. Ведь деструктивность заключается в отвержении латентных характеристик теоретических систем и спровоцированных ими форм поведения, разрушающих не исторически утратившиеся, а дееспособные формы религиозности, необходимые обществу для функционирования.

Кроме того, одной из причин возникновения деструктивных форм религиозности можно считать монополизацию средств интерпретации репрезентантов высшей силы. Это связано с тем, что религиозные представители, индивидуально принадлежащие к той или иной религиозной группировке, считаются непререкаемым внешним религиозным авторитетом. В таком случае возникает ситуация не поиска человеком самого себя перед лицом божественной силы, что представляется основным содержанием религиозного бытия, а совершенно отчужденный от личности процесс. Раскрытие себя через сущность

Высшего подменяется авторитетными свойствами его «представителя». Так происходит процесс усвоения верующим тех принципов и ценностей, которые определены именно репрезентантом, и выделяются как чуждые внешние ценности и поведенческие модели, но не исторически определенные.

Религиозная деструктивность может выражаться и в процессе выделения внутри прочного религиозного института сформировавшихся религиозных течений, характеризующихся особым содержанием и стилем религиозного сознания. Тогда можно говорить об относительной бесконфликтности таких религиозных субкультур по отношению к обществу. Однако малочисленные религиозные группировки характеризуются выраженным стремлением кардинального обновления существующих религиозных форм и подменой принятых религиозных установок. Упомянутый феномен связан с деятельностью деструктивных культов, нуждающихся в отстаивании и защите любыми средствами своих религиозных установок, присутствующих в любой религиозной группировке. Между традиционными религиозными группами, а также связанными опытом взаимодействия, но отделившимися от них религиозными группировками и религиозными деструктивными культами нельзя ставить знак «равенства» или соотносить их по каким-либо признакам. Это связано с тем, что рассматриваемые культы представляют угрозу стабильности обществу посредством специфических учений, идей и способов их распространения. Представители религиозных культов в религиозной деятельности ориентированы не только на поклонение божествам, опровергаемым традиционной религиозностью, но и на разрушение существующей религиозности.

Современное общественное сознание принимает дефиниции «секты» и «культа» коррелирующими и взаимосвязанными в определении границ дозволенности и характере деятельности. Однако между рассматриваемыми терминами имеет место в то же время и существенное различие, направленное на объяснение радикальной деятельности в отношении сект, но относительной терпимости со стороны религиозных официальных культов.

Принимая во внимание демаркацию между данными понятиями, можно определить, что секта – это радикально настроенный в своей деятельности религиозный культ. Такое утверждение связано с определением сект, как религиозных групп, отделившихся от подобных себе и противостоящим им, но схожих относительно религиозной деятельности. При этом понятие религиозных культов принимается как тесно связанное с традиционной религиозностью почитание реальных или фантастических существ или предметов,

наделенных сверхъестественными свойствами. Характерным отличием также устанавливается проведение в отношении данных субъектов обрядов.

Однако основное отличие между феноменами заключается не только в заявках на новое вероучение, но и в тоталитарно-деструктивном характере деятельности, не отвергающем применение современных методов воздействия на личность, социальной мимикрии меркантильной сущности духовной риторикой.

Наиболее важным выступает стремление порабощения, направленное на общество в целом, и на религиозные группировки в частности. Такое явление может рассматриваться исключительно в агрессивном прозелитизме, выражающемся в распространении собственного учения, норм, установок, принципов, обеспечивая вовлечение установленной идейности во все религиозные течения и расширяя сферу своего влияния. Данные тенденции характерны именно для сект, что позволяет разграничивать их с деструктивными религиозными культами в силу относительной отстраненности от подобного расширения собственного влияния. Такое характерное отличие религиозной деятельности культов направлено на преданность какой-либо личности, существу или феномену.

Однако религиозные культы наравне с сектами могут применять в своей деятельности манипулятивные методики для убеждения и контроля. К таким методикам могут относиться как изоляция от привычного окружения, доведение до полного истощения организма, так и принижение индивидуальности, с низведением автономной личности до состояния растворения в групповом сознании, формирование полной зависимости от религиозного культа и опасений его покидания. Наиболее выраженная черта трансформированной личности вследствие деятельности деструктивных религиозных группировок – подавленность, выражающаяся в угнетении воли, прерывании прежних социальных связей, что влечет за собой снижение морального и эмоционального фона поведения человека. Результатом таких действий оказывается дезинтеграция личности, ее асоциализация и депривация, что в значительной мере ухудшает качество жизни человека, а также микросоциума, влияя на развитие всего общества и ослабляя его защищенность относительно других возможных угроз. Такие методики служат исключительно для подавления индивидуальных проявлений личности, для достижения целей, обозначенных лидерами групп, в ущерб не только индивиду, но и обществу в целом.

Возникает неоднозначное отношение общества к деятельности деструктивных субкультурных группировок, оказывающих воздействие на формирование политики государства в сфере развития общественно-конфессиональных отношений. Точка зрения, выражающая противоборство между обозначенным деструктивным религиозным

группировкам, уже не занимает главенствующее положение, объясняемое реальной угрозой стабильности развития общества и традиционной религиозности внутри него. Обществом признана необходимость противостояния их негативному влиянию на мировоззренческие системы, влияющие на самоидентичность личности. Акцент ставится на нанесении в таком случае ущерба общественным интересам и ослаблении важнейших сторон национальной безопасности государства. Для предотвращения дисфункции социума и сложившихся в нем социальных отношений предлагается система социальной работы и социальной защиты населения.

Деятельность деструктивных религиозных группировок, разрушающая динамическое равновесие общественных отношений, определяется, в основном, как психологическая угроза, не учитывающая причинение физического вреда. В то же время нельзя исключать фактор физического насилия, не фиксируемого в официальных документах и при публикации статистик, отображающих благополучие общества.

Вывод

Основными результатами деятельности деструктивных религиозных субкультурных группировок становится противоборство в широком смысле, обостряются противоречия между правами личности на выбор и исповедание [3, с. 220]. Влияние оказывается и на меру ответственности личности перед обществом, претендующим на позитивный личностный вклад в собственное функционирование, и на солидарное социальное целедостижение, позволяющее избегать раскола и катастрофической конфликтности.

Библиографический список:

1. Борзова Т.А. Культурно-антропологические основания ценностных ориентаций молодежной субкультуры: на примере современной российской молодежной субкультуры [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2017. № 41 (175). С. 136-164. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30328821/> (Дата обращения: 16.10.2020).
2. Бурченкова Л.Ш. Субкультуры как новая форма идентификации с точки зрения субъект-объектного подхода [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2016. № 7 (111). С. 316-320. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/111/27377/> (Дата обращения: 16.10.2020).
3. Крылов С.В. Самоорганизация в молодежной субкультуре на примере сообщества поклонников японской анимации [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2019. № 28 (266). С. 218-220. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/266/61633/> (Дата обращения: 16.10.2020).
4. Левицкая Л. В., Колкина А. Е. Молодежные субкультуры и риски суицида [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2017. № 41 (175). С. 148-152. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/175/45915/> (Дата обращения: 16.10.2020).
5. Омельченко Е.Л. От субкультур к солидарностям и назад к субкультурам? [Электронный ресурс] // Материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической

конференции. Пермь, 2014. С. 5-17. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24003281/> (Дата обращения: 16.10.2020).

б. Поляков Д.В. Понятие и функции криминальной субкультуры, отличие ее от других субкультур [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы публичного права: Сборник научных трудов. В 2-х томах. Владимир, 2015. С. 296-299. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29755677/> (Дата обращения: 16.10.2020).

Ryabtsev S.V., Kirillov P.E., Fomina L.A. **Religious destructiveness in subcultural groupings**

An attempt is made to reveal the phenomenon of religious subculture in its destructive manifestations. The influence of the subcultural image of religion on social practices is analyzed. Correlation of religion and subculture is made, which allows us to trace the development of the phenomenon of superstition outside and inside subcultural groups, their external signs and characteristic traits. Attention is drawn to methods serving to suppress individual manifestations of personality, to achieve the goals outlined by the leaders of the groups, to the detriment of not only the individual, but also society as a whole

Keywords: subculture, religious subculture, subcultural religion, subcultural groups, non-traditional religiosity

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-9-46-51

УДК 316.614

Т. А. Козлова

Игра как социокультурная практика социализации детей

Аннотация:

Социокультурные практики рассмотрены в статье как феномены конструирования жизненного мира детей. Автор описывает проведенное им исследование социокультурных практик и факторов успешной социализации детей в игровой деятельности, организованной студией детских праздников «Веселая Мельница» (г. Дубна). Результаты исследования могут быть использованы в системе социальной работы, в социально-педагогических центрах для совершенствования их деятельности.

Ключевые слова: социокультурные практики, игра, студия детских праздников, успешная социализация, социокультурные факторы успешной социализации

Об авторе: Козлова Татьяна Александровна, Государственный университет «Дубна», магистрант кафедры социальной работы факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: tanyash_kozlova@mail.ru

Актуальность темы исследования заключается в том, что в XXI в. в условиях прогрессирующих сетевых технологий произошло ухудшение важнейших показателей социализации детей – коммуникативных способностей ребенка и умений приспосабливаться к окружающей среде. Современный ребенок все больше предпочитает проводить время с различными гаджетами. Статистические данные по интернет-зависимости у детей до 14 лет показывают, что количество времени, ежедневно проводимого в сети, составляет менее одного часа лишь у 16% опрошенных; до трех часов – у 52%; более 8 часов – у 32% опрошенных [4]. Также важно отметить, что 88% детей с 4–5 лет выходят в сеть вместе с родителями. В 7-8 лет дети все чаще выходят в сеть самостоятельно [2]. Очевидно, что приведенные цифры показывают опасность компьютерной зависимости, влияющей на важные показатели социализации ребенка.

Ребенок имеет способность выражать себя, проживать свою жизнь в формах игрового поведения. Поэтому его социализация будет проходить естественно и гармонично, если он будет играть с друзьями и родителями, а не постоянно видеть перед собой «гаджет».

Игра – это комплекс скрытых повторяющихся транзакций, характеризующихся четко определенным психологическим выражением [7, с. 31]. Одна из концепций происхождения культуры – игровая: культура возникает и разворачивается в игре и как игра. То есть, игра рассматривается не как биологическая функция, а как явление культуры, и анализируется средствами культурологической методологии. Наиболее яркий представитель этой концепции – голландский культуролог Й. Хейзинга, который анализировал игру как культурно-историческую универсалию. В работе «*Homo ludens*» («Человек играющий») Й. Хейзинга поднимает самые глубокие пласты истории и развития культуры – игровые. «Культура, – пишет он, – не происходит из игры, как живой плод, который отделяется от материнского тела, – она развивается в игре и как игра. Все культурное творчество есть игра: и поэзия, и музыка, и человеческая мысль, и мораль, и все возможные формы культуры» [5, с. 59]. По мысли Й. Хейзинги, дух, формирующий язык, всякий раз перепрыгивал играючи с уровня материального на уровень мысли [5, с. 24]. Поэзия родилась в игре и стала жить благодаря игровым формам. Музыка и танец были сплошь игрой. Мудрость и знание находили свое выражение в освященных состязаниях. Право выделилось из обычаев социальной игры. На игровых формах базировались улаживание споров с помощью оружия и условности аристократической жизни. Обзор истории на протяжении различных эпох привел ученого к выводу о постепенном убывании в культуре игрового элемента, что не пошло ей на пользу [5, с. 98].

Цель данной статьи – рассмотрение игры как социокультурной практики. Социокультурная практика – это ситуативное, автономное, самостоятельное, инициируемое взрослым или самим ребенком приобретение и повторение различного опыта общения и взаимодействия со взрослыми, сверстниками и младшими детьми в различных группах, командах, сообществах и общественных структурах. Это и освоение позитивного жизненного опыта сопереживания, доброжелательности и любви, дружбы, помощи, заботы, альтруизма, а также негативного опыта недовольства, обиды, ревности, протеста, грубости. От того, что именно будет практиковать ребенок в игре, зависит формирование его характера, его система ценностей и стиль жизнедеятельности, в конечном счете – дальнейшая судьба.

Под социокультурными практиками понимают:

- разнообразные, основанные на интересах ребенка виды деятельности, поведения и собственного опыта;

- поиск и апробацию новых способов и форм деятельности и поведения для удовлетворения разнообразных познавательных потребностей детей;
- приобретение опыта общения и взаимодействия в социуме между взрослыми, сверстниками и младшими детьми;
- формирование нравственного, а также эмоционального опыта: сопереживания, помощи, защиты, эмпатии, гордости, радости, печали [1, с. 4].

Разнообразные социокультурные практики порождают немало новых аспектов в субъективных конструкциях жизненного мира. Эти феномены нуждаются в социально-философском осмыслении с учетом непрерывно-дискретного характера социокультурных изменений и их накопления, содержащего потенциал качественных скачков. Социокультурные практики как факторы социализации включают освоение социокультурных норм и образцов деятельности, получение опыта работы и суммирование личных результатов и достижений, приобретение опыта презентации личных результатов и достижений на разных уровнях сообщества [3, с. 74].

Кроме того, весьма значимо то, что в процессе организации социокультурных практик детей особое внимание должно уделяться индивидуальной организации разнообразных образовательных процессов, их суммированию и включению в жизнь сообщества. К таким процессам можно отнести:

- конструирование педагогической деятельности на основе инициативы, интересов, мотивации детей (а не просто отчужденных «стандартов»);
- проектную форму организации всех культурных практик;
- взаимодополняемость основного и дополнительного образования;
- обеспечение дошкольнику демократического образа жизни как гаранта перехода образования от информационной к деятельностной модели организации.

В педагогике принято деление игр на творческие игры и игры с правилами [6, с. 57]. В творческих играх дети сами придумывают их содержание, в котором отражают свои впечатления, эмоции и собственное представление об окружающем мире. Группу творческих игр составляют:

- сюжетно-ролевые игры (ключевой для данной группы вид);
- игры-драматизации;
- строительно-конструктивные игры.

Игры с правилами создаются взрослыми. Они предназначены для детей разных возрастов, наделяются определенным уровнем сложности и условно подразделяются на такие виды:

- дидактические игры (во время которых происходит развитие умственной деятельности детей, углубление и расширение их знаний);
- подвижные игры (в ходе которых приобретаются и совершенствуются различные двигательные навыки);
- музыкальные игры (направленные на развитие музыкальных способностей).

Создание условий для овладения детьми различными видами игр (предметными, сюжетно-ролевыми, играми-драматизациями), обеспечение успешного развития умственных способностей детей и социальной коммуникации происходит путем создания целенаправленной предметно-развивающей среды [8, с. 14]. Во время игры ребенок начинает проявлять свою индивидуальность, развивается физически, учится терпимости и уважению к другим людям, а если праздничная программа правильно составлена, то развивает свою фантазию и образное мышление.

Восприятие у детей существенно различается в зависимости от возраста. Без знания возрастных психологических особенностей невозможно организовать и провести игры для детей.

В рамках данного исследования анализ социокультурных практик как феноменов конструирования жизненного мира детей был предпринят на материале игровой деятельности в студии детских праздников «Веселая Мельница». Эта студия существует в г. Дубне около пяти лет и занимается проектированием, подготовкой и проведением разнообразных детских праздников. Это могут быть дни рождения, празднования окончания учебного года, благотворительные праздники, мастер-классы и т. д. Команда сотрудников «Веселой Мельницы» проводит в год более 400 таких праздников. Чаще всего детские праздники организуются для ребенка индивидуально, с учетом его особенностей и по желанию родителей.

«Веселая Мельница» взаимодействует с такими детскими организациями Дубны, как центр «Бригантина» и школа «Возможность», а также с детским клубом «Одаренка» (г. Талдом). Студия сотрудничает с организацией волонтеров «Добрая Дубна», которая создана для помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (чаще всего это дети). Через это сотрудничество аниматоры из студии «Веселая Мельница» широко участвуют в делах благотворительности.

В качестве объекта социологического исследования выступили родители детей, посещающих студию детских праздников «Веселая Мельница». Сбор первичной социологической информации осуществлялся при помощи анкеты. Общая численность респондентов, принявших участие в анкетировании, составила 60 человек. Исследование

проводилось в режиме *on-line*: анкета была отправлена родителям на электронную почту по адресам, выбранным из базы, а также размещена в социальной сети «ВКонтакте».

В рамках исследования был проведен анализ влияния праздников на творческое и когнитивное развитие детей. Обозначая результаты деятельности «Веселой Мельницы», респонденты выбрали почти в одинаковых долях развитие творческого воображения и познавательных интересов детей. Результаты анализа данных ответа на вопрос «*В какой степени присутствует в деятельности студии направленность на развитие творческих способностей детей? Ответ представить по шкале от 1 до 10*» показали, что уровень направленности на творчество оценен родителями средним баллом 8.9 из 10 возможных. Формирование когнитивного фактора и успешную подготовку к школе выделили 45% опрошенных. Проведенное исследование показало высокий уровень удовлетворенности родителей и детей, посещающих праздники студии «Веселая Мельница».

Празднично-досуговая деятельность, организованная аниматорами «Веселой Мельницы», отличается особым динамизмом, неожиданностью видов и форм, сложностью и противоречивостью. Игры в этой студии во время детских праздников весьма разнообразны по содержанию, организации, правилам, происхождению. Они могут с полным правом рассматриваться как успешные социокультурные практики, поскольку благоприятно воздействуют на формирование мировоззрения и мироощущения детей. Наиболее выраженные факторы успешной социализации, которые присутствуют в работе студии «Веселая Мельница» – подготовка детей к школе, когнитивный фактор, творчество, привыкание к работе в команде.

Исследование показало, что игры на базе студии «Веселая Мельница» способствуют когнитивному и креативному развитию детей, формированию у них коммуникативных навыков.

Таким образом, игры предстают как оптимальное средство формирования социально-коммуникативной деятельности детей, развития их познавательных способностей, обогащения языка, воспитания художественного восприятия. Выявленные факторы успешной социализации детей, посещающих студию детских праздников «Веселая Мельница», могут быть использованы в системе социальной работы и в социально-педагогических центрах для совершенствования их деятельности.

Библиографический список:

1. Актуальные проблемы воспитания и образования: Сборник научных статей. Вып. 13. Самара: Самарский университет, 2013. 143 с.
2. Данные компьютерной и игровой зависимости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vawilon.ru/statistika-zavisimosti/> (Дата обращения: 22.05.2020).

3. Дедурина Т. В. Проблема определения функциональной структуры социокультурной анимации // Вестник МГУКИ. 2018. № 4. С. 91-94.
4. Статистика интернет-зависимости у российских подростков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://security.mosmetod.ru/internet-zavisimosti/127> (Дата обращения: 22.05.2020).
5. Хейзинга Й. Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. М.: Гостехиздат, 2015. 416 с.
6. Шубина И.Б. Организация досуга и шоу-программ. Творческая лаборатория сценариста. 2-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 352 с.
7. Berne E. Games people play. Copyright renewed 1992 by Ellen Berne, Eric Berne, Peter Berne and Terence Berne. Random House, Inc PUF, 2006. 153 p.
8. Simonot M. Les animateurs socioculturels. Etude d'une aspiration a uneactivitesiciale. Rouen: PUF, 2014. 24 p.

Kozlova T.A. Play as a sociocultural practice of socialization of children

Sociocultural practices are considered in the article as phenomena of constructing the life world of children. The author describes his research of socio-cultural practices and factors of successful socialization of children in play activities organized by the studio of children's holidays "Veselaya Melnitsa" (Dubna). The results of the study can be used in the system of social work, in social and pedagogical centers to improve their activities.

Key words: sociocultural practices, game, children's holiday studio, successful socialization, sociocultural factors of successful socialization

Проба пера

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-9-52-58

УДК 316

А. В. Качанов

Политический эффект пандемии коронавируса в России: рост спроса на консервативные ценности

Аннотация:

Эпидемия коронавируса стала самым серьезным вызовом, с которым столкнулось человечество в XXI в. Подобно другим эпохальным событиям, пандемия COVID-19 привела к фундаментальному сдвигу в общественном укладе и мышлении людей. Автором проанализированы социально-философские аспекты трансформации политической системы в условиях кризиса. В статье дана оценка процессу изменения системы политических ценностей граждан сквозь призму социально-психологической реакции на угрозу распространения коронавирусной инфекции, рассмотрена проблематика институционализации пандемии как политического инструмента.

Ключевые слова: пандемия, политические партии, политический процесс, политический эффект, консервативные ориентации, консервативный сдвиг, коронавирус, кризис, ценности

Об авторе: Качанов Антон Викторович, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: kachanovav96@mail.ru

Предрасположенность к консерватизму высказывают те, кому есть что терять, и кто научился ценить то, что имеет.

Майкл Оукиот

Введение

Пандемия коронавируса COVID-19, охватившая в настоящее время весь мир, коренным образом влияет на все сферы человеческой деятельности, и, не в последнюю очередь, на

политические процессы. Поскольку мир еще не вышел из критического состояния, и при этом прогнозы не носят оптимистического характера, картина его последствий вряд ли может претендовать на исчерпывающую полноту. Однако некоторые сдвиги в общественном сознании, возникшие в значительной мере как следствие отражения проблематики коронавируса в СМИ, можно обнаружить уже сегодня. Угроза распространения пандемии сопровождается изменением иерархии политических ценностей граждан, что соответственно, меняет и восприятие политической реальности.

Методология

Проблемное поле настоящего исследования обусловлено трансформацией политической системы России под воздействием социально-психологической реакции общества на угрозу коронавирусной инфекции. Задача исследования состоит в том, чтобы через призму восприятия населением пандемии дать оценку изменениям, происходящим в политической сфере. В качестве методологического ориентира исследования были использованы: структурно-функциональный и неоинституциональный подходы. Проведен аксиологический анализ актуальной структуры социально-политических ценностей россиян, сравнительный анализ отечественных и зарубежных политических институтов, раскрыта их функциональная направленность в контексте пандемии.

Использование данных методов в своей совокупности позволяет проследить изменения системы социально-политических ценностей граждан, обусловленные особенностями восприятия населением распространения в России коронавируса в условиях трансформации политических институтов.

Консервативный сдвиг в политических ценностях россиян: причины и проявления

В рамках социальных наук накоплено достаточно эмпирического материала о трансформации политических ценностей и запросов в условиях актуализации экзистенциальных угроз. Согласно концепции управления страхом смерти человек, который столкнулся с непосредственной угрозой собственной жизни, находит опору для преодоления кризиса в стремлении к групповой идентичности [10]. Социальный эффект такого защитного механизма заключается в том, что индивид стремится обеспечить свою принадлежность к тем социальным институтам, которые смогут максимально нивелировать поступающую угрозу.

Таковыми институтами применительно к современным российским социально-политическим реалиям могут выступать государство или церковь [1]. Однако, учитывая

ограничения возможностей религиозных практик в условиях эпидемии, роль церкви в данном аспекте значительно снижается [7]. Российские граждане не склонны также идентифицировать себя с протестными движениями. Как подчеркивается в докладе АПЭК, по итогам 2020 г. в сравнении с 2019 г. прогнозируется снижение количества политических протестных акций на 20-30%, социально-экономических — на 15-25%, экологических — на 30-40% [9]. По данным ФОМ и ВЦИОМ общественный протестный потенциал составляет 20%.

Данные обстоятельства обусловлены прежде всего особенностями атрибуции ответственности в контексте угрозы распространения коронавирусной инфекции применительно к политической действительности России. Вину за последствия COVID-19 граждане в основном возлагают на соотечественников, путешествовавших по миру во время пандемии, и на легкомысленных граждан, которые не соблюдают режим самоизоляции, а также иные санитарно-эпидемиологические требования [17]. Эта стратегия поиска «козлов отпущения» неплохо резонирует с массовыми настроениями: чем больше граждане беспокоятся за свое здоровье и здоровье близких, тем больше они склонны винить сограждан в безответственности.

В настоящее время основные приоритеты россиян заключаются в обеспечении безопасности (как внутренней, так и внешней), построении диалога между властью и гражданами. В системе ценностей повышается роль патриотизма, самоуважения, эмпатии, граждане фокусируются на идее коллективизма [14].

В условиях тревоги и чувства неопределенности, вызванных пандемией, возрастает спрос на стабильность в самом широком смысле этого слова. Вследствие чего, мы можем наблюдать так называемый «патерналистский консенсус» (мы вам лояльность, вы нам стабильность) в существующих отношениях между властью и населением [8, с. 119-133]. Эта особенность существенно отличает Россию от стран Европы, где пандемия напротив, привела к депатернализации общества, деградации политических институтов, а также обострению социально-политических конфликтов, иными словами, COVID-19 вычленил силу и слабость различных политических систем [18].

Трансформация политических процессов как результат реакции на социально-психологическое восприятие населением пандемии

Государство, отвечая на актуальные социально-политические запросы населения, реализует в своей деятельности стратегию консерватизма, в связи с чем, как отмечают

исследователи, в настоящее время в современной политической системе России наблюдается «консервативный сдвиг» [6]. Данный феномен обусловлен рядом причин.

Во-первых, консервативные ориентации связаны со стремлением граждан к безопасности — даже в ущерб своим правам и законным интересам. Согласно исследованию, проведенному холдингом Gallup International, 70% опрошенных граждан России согласились с **поражением в правах, если это поможет в борьбе с коронавирусом** [11]. 72% опрошенных заявили, что принятые государством меры соответствуют характеру и степени угрозы пандемии [12]. **Как показал опрос ВЦИОМ, 60% россиян поддерживают введение жестких ограничительных мер в целях борьбы с распространением коронавируса.**

В целом наблюдается спрос на политику «твердой руки», при которой жесткость принятых мер тождественна их эффективности, а поэтому считается оправданной. В интервью BBC NEWS Ф. Фукуяма говорит: «Нужно оказаться в кризисе, таком как сейчас, например, чтобы люди осознали, насколько важны повседневные функции правительства, и власть, которая может заставить бюрократию работать и обеспечивать базовые услуги и удобства, заслуживает уважения... Вкус твердой руки приобретает некоторую утонченность» [13].

Во-вторых, наблюдается проявление взаимоинтеграции социальных, экономических и политических процессов. Более яркое выражение данный феномен находит в трансформации фармацевтической отрасли во взаимодействии с государственными органами. В России государство фактически монополизировало право на производство вакцины от коронавирусной инфекции: все передовые проекты в данной сфере – государственные, препараты созданы в государственных учреждениях, производственные возможности которых зависят от размеров бюджетного финансирования [5]. Информированием о достижениях в разработке вакцины занимаются представители власти – Президент России, Премьер-министр, а также различные министерства и государственные ведомства [3]. Данные политические процессы качественно отличаются от зарубежного подхода: в странах Европы и США созданием вакцины занимаются частные фармацевтические компании: Pfizer, BioNTech, Moderna, Johnson & Johnson, государства при этом осуществляют только надзорную функцию, не вмешиваясь в производственный процесс [19, с. 1-22]. Однако отечественная модель находит одобрение и среди простых граждан, и среди специалистов-медиков. Согласно исследованию ФОМ, в ситуации выбора между отечественной и импортной вакциной от коронавируса подавляющее большинство, 62% респондентов, отдают предпочтение российской вакцине и только 12% – иностранной. Медики также высказываются в пользу отечественной вакцины: 59% респондентов против 19% заявляющих, что предпочли бы импортную [2].

В-третьих, существенно претерпела изменения конъюнктура деятельности российских политических партий. Как отмечает директор Международного института новейших государств, политолог А. А. Мартынов: «... партии активно перестроили свою повестку и так или иначе в ней идут, я имею в виду повестку, в которой идет вся страна сегодня, — борьба с распространением коронавируса, борьба с эпидемией, минимизация последствий, прямая помощь людям, волонтерство» [16].

Приоритетные направления деятельности политических партий, обусловленные пандемией

Действительно, в текущих условиях российские политические партии отходят от политической борьбы, как и от активной критики своих оппонентов и действующей власти. Согласно исследованию Центра политической конъюнктуры «Политические партии и коронавирус: лозунги и действия», приоритетными направлениями деятельности российских политических партий в настоящее время выступают:

1) создание необходимых законодательных условий для эффективной борьбы с пандемией и подготовка мер по преодолению негативных экономических последствий. Как отмечается в отчете Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации от 26.10.2020 г. при участии системных (парламентских) политических партий принят ряд «антивирусных» законодательных пакетов (более 30 законодательных актов) [15];

2) прямая социальная помощь гражданам. Данная сфера политической деятельности получила наибольшее развитие в рамках организации волонтерского (добровольческого) движения. При этом волонтерские движения, созданные на политической основе (ЛКСМ КПРФ, Молодая Гвардия Единой России, молодежные движения Справедливой России, ЛДПР), все сильнее отмежевываются от своей идеологической природы. Напротив, происходит солидаризация волонтерской деятельности на принципах единой социальной взаимопомощи. По данным ВЦИОМ, три четверти россиян (74%) считают, что волонтерская деятельность оказывает существенную помощь населению в условиях распространения коронавируса [4].

Можно констатировать, что эффект пандемии для политических партий выразился в необходимости поставить на идеологические рельсы своей деятельности общенациональную повестку борьбы с коронавирусом, что привело к консолидации разрозненных политических сил с позиции социально-экономической ориентированности.

Вывод

Все перечисленные выше факторы в своей совокупности свидетельствуют о нарастающих консервативных тенденциях в социально-политической и экономической сферах жизни российского общества. Это существенно отличает отечественный опыт от зарубежного, где эффект пандемии выразился в обострении политического противостояния властных элит, а коронавирус стал политическим оружием. В западных странах, в отличие от России, наблюдается рост протестной активности, который выражается в прямом противостоянии общества и государства в форме митингов, протестов, демонстраций.

Открытым остается вопрос: будут ли иметь существующие консервативные ориентации долгосрочное воздействие на отношения общества и власти, или этот феномен носит временный характер.

Библиографический список:

1. Багреева Е.Г. Гражданин — государство: уроки COVID-19 [Электронный ресурс] // Образование и право. 2020. № 5. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanin-gosudarstvo-uroki-covid-19> (Дата обращения: 20.11.2020).
2. Вакцинация от COVID-19 — мнение россиян и медицинских работников — мнение россиян и медицинских работников [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://covid19.fom.ru/post/vakcina-ot-covid-19-mnenie-rossiyan-i-medicinskih-rabotnikov> (Дата обращения: 22.11.2020).
3. Власти России берут под контроль поставки вакцины от COVID-19 в регионы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/vlasti-rossii-hotjat-kontrolirovat-postavki-vakciny-ot-sars-cov-2-v-regiony/a-54585734> (дата обращения: 21.11.2020).
4. Волонтеры против коронавируса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-protiv-koronavirusa> (Дата обращения: 21.11.2020).
5. Зачем В. В. Путин лично продвигает вакцину «Спутник V» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ura.news/articles/1036281495> (Дата обращения: 21.11.2020).
6. Коронавирус и политика: запросы и ценности в эпоху пандемии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interanalytics.org/jour/article/viewFile/285/277> (Дата обращения: 22.11.2020).
7. Лункин Р.Н. Механизмы религиозной реакции на пандемию коронавируса [Электронный ресурс] // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. 2020. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-religioznoy-reaktsii-na-pandemiyu-koronavirusa> (дата обращения: 22.11.2020).
8. Петухов В.В., Петухов Р.В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. 191 с.
9. Протест на фоне пандемии: факторы спада активности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.apecom.ru/articles/?ELEMENT_ID=6641 (Дата обращения: 20.11.2020).
10. Прусова И.С. Влияние страха смерти на представление об идеальной политике [Электронный ресурс] // Психология. Журнал ВШЭ. 2015. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-straha-smerti-na-predstavlenie-ob-idealnom-politike> (Дата обращения: 19.11.2020).
11. Ромир/Гэллп интернешнл: насколько жители Земли готовы жертвовать своими правами в рамках борьбы с COVID-19 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://romir.ru/studies/romirgellap-interneshnl-naskolko-jiteli-zemli-gotovy-jertvovat-svoimi-pravami-v-ramkah-borby-s-covid-19> (Дата обращения: 22.11.2020).

12. Россияне устали от пандемии, но продолжают соблюдать все меры предосторожности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://romir.ru/studies/rossiyane-ustali-ot-pandemii-no-prodoljayut-soblyudat-vse-mery-predostorojnosti> (Дата обращения: 20.11.2020).
13. Твердая рука в эпоху пандемии: убьет ли вирус демократию? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/extra/0h72xp3m2e/pandemic_and_democracy-Russian#group-Tverdaya-ruka-vaV6QURV7b (Дата обращения: 30.12.2020).
14. Ценностные ориентиры россиян и их соответствие приоритетам развития государства (краткая версия аналитического отчета, июль 2020 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dalee.cdnvideo.ru/stopcoronavirus.rf/files/cennostnie_orientiri_rossijan_i_ih_sootvetstvie_prioritetam_razvitiya.pdf (Дата обращения: 21.11.2020).
15. Центр политической конъюнктуры: политические партии и коронавирус: лозунги и действия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cpkr.ru/> (Дата обращения: 21.11.2020).
16. Эксперты оценили работу политических партий в условиях пандемии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20200416/1570131211.html> (Дата обращения: 29.12.2020).
17. COVID-19 и политические настроения россиян [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ridl.io/ru/covid-19-i-politicheskie-nastroenija-rossijan/> (Дата обращения: 28.12.2020).
18. COVID-19: в Швеции отказались от обязательного ношения масок в общественных местах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/3024159.html> (Дата обращения: 22.12.2020).
19. Sorensen, Rune J. The Impact of State Television on Voter Turnout // British Journal of Political Science. 2014. Vol. 4. 122 p.

Kachanov A.V. The political effect of the coronavirus pandemic in Russia: growing demand for conservative values

The coronavirus epidemic has become the most serious challenge facing humanity in the 21st century. Like other landmark events, the COVID-19 pandemic has brought about a fundamental shift in the way people live and think. The author analyzes the socio-philosophical aspects of the transformation of the political system in a crisis. The article assesses the process of changing the system of political values of citizens through the prism of a socio-psychological reaction to the threat of the spread of coronavirus infection, examines the problems of institutionalizing the pandemic as a political tool.

Keywords: pandemic, political parties, political process, political effect, conservative orientations, conservative shift, coronavirus, crisis, values

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-9-59-65

УДК 316.334.22

А. Л. Кравченко

GIG-экономика: трансформация рынков труда в условиях COVID-кризиса

Аннотация:

Появление и масштабное распространение постиндустриального, информационно-сетевого типа общества сопровождается становлением нового цифрового экономического уклада, обуславливающего развитие и массовое внедрение новых форм труда. В условиях острого экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, GIG-экономика сегодня занимает положение гегемона на мировом рынке труда. В работе рассмотрен феномен гигономики, описаны основные составляющие гигономики, представлены перспективы развития рынков труда в условиях их трансформации на фоне пандемии COVID-19.

Ключевые слова: гигономика, трудовые практики, фриланс, аутсорсинг, COVID-19

Об авторе: Кравченко Алексей Леонидович, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: alkravch1@yandex.ru

Глобальные процессы цифровизации экономики привели к появлению качественно иных трудовых практик. В соответствии с Международной организацией труда такие практики и формы занятости классифицируются как нестандартные, несмотря на их масштабное развитие и распространение [10, с. 3]. В сложившихся обстоятельствах отечественный и зарубежные рынки труда подвержены процессам фундаментальной трансформации – на первое место выходят такие формы занятости, как удаленная работа, фриланс, аутсорсинг, а главенствующей социально-экономической моделью становится GIG-экономика (гигономика).

Гигономика представляет собой новейшую социально-экономическую модель, для которой характерны нестандартные, гибкие формы занятости, удаленная коммуникация посредством интернет-платформ, краткосрочный характер

сотрудничества [7, с. 114]. Катализатором GIG-экономической гегемонии послужила пандемия COVID-19, спровоцировавшая рост безработицы и перевод большей части персонала в режим удаленной работы: только за март 2020 г. количество соискателей увеличилось на четверть [10, с. 4]. Мир после пандемии уже не сможет вернуться в прежнее состояние, состояние до «корона-кризиса». Так, глава ФРС США Дж. Пауэлл констатирует: «К прежней экономике мы не вернемся. Мы восстанавливаемся, но идет восстановление иной экономики, более технологичной, и я опасаюсь, что этот процесс осложнит положение многих рабочих» [3]. В аналитической заметке от 18.03.2020 г. Международная Организация Труда прогнозирует серьезные и многолетние последствия пандемии, в частности еще больший рост безработицы и бедности, а предотвратить их возможно лишь при незамедлительном и скоординированном воздействии государств [4, с. 398].

Нередко гигномику называют экономикой подработок и свободной занятости, ввиду краткосрочности связей и неформального характера сотрудничества между работодателем и исполнителем. Сегодня внештатно и удаленно работают специалисты финансовой, образовательной, строительной, транспортной – практически любой сферы. Гигномика охватывает как фрилансеров – независимых специалистов, реализующих свои услуги удаленно с помощью сети Интернет, так и просто удаленных работников – штатных сотрудников, не привязанных к определенному рабочему месту, а также всевозможных консультантов – людей, оказывающих услуги вне зависимости от штата организации и рабочего места. Понятие гигномики включает аутсорсинг (делегирование ряда функций от одной организации к другой) и краудсорсинг (привлечение широкого круга специалистов для решения поставленных задач, зачастую на безвозмездной основе). Представители гигномики могут работать и несколько часов в день (феномен убер-занятости), и полный рабочий день.

Структуру гигномики составляют независимые работники, потребители услуг (работодатели) и платформы, организующие сотрудничество между ними [10, с. 5]. Как правило, независимые специалисты работают на гонорарной основе и получают оплату лишь за выполнение определенных задач. Однако работник может определять и стоимость своего рабочего времени. Коммуникацию между работодателем (потребителем услуги) и исполнителем обеспечивает независимый провайдер – платформа, на которой люди размещают информацию о получении или выполнении необходимой услуги. В общем смысле платформами выступают цифровые инфраструктуры, организующие коммуникацию между двумя и более группами [9,

с. 41]. Например, в качестве таких платформ можно назвать фриланс-биржи, среди которых наиболее востребованными в России являются www.kwork.ru, www.fl.ru, www.work-zilla.com [12; 15; 16]. Крупнейшими платформами выступают компании Google, Amazon, Uber. На рынке труда даже возникло новое понятие – «уберизация», связанное с компанией Uber и означающее замену интернет-платформами людей и организаций-посредников [8, с. 227].

Для рынков нестандартной занятости характерна высокая конкуренция. Независимые специалисты вынуждены в перманентном режиме улучшать свои навыки и идти в ногу со временем. В то же время резкий переход на удаленный режим занятости может вызвать трудности у работников, особенно старшего возраста. Нельзя не вспомнить понятие «самопрограммирующейся рабочей силы» М. Кастельса, когда работники постоянно адаптируются к новым сетевым условиям [5, с. 113]. Важнейшим вопросом становится доступ актора к сети: «Если вы не в сети, вы не можете полноценно участвовать в жизни сетевого общества» [6, с. 75]. Сегодня без доступа к сети и навыков обращения с цифровыми устройствами человек не сможет не только полноценно участвовать в обществе, но и жить вообще – практически все государственные услуги, большая часть финансовых, медицинских, образовательных и пр. – осуществляются в режиме онлайн.

В большей степени для гигномики характерна неполная неформальная занятость, когда для реализации проектов привлекают фрилансеров. Тем самым организации сокращают издержки на аренде помещений, содержании рабочего персонала и его обучении, а фрилансеры сами выбирают работодателя, место и время для работы.

Интересны статистические данные исследований, проведенных компаниями Upwork, Peerism, Payoneer: численность фрилансеров в США в 2019 г. составила 57 миллионов человек, а рынок американского фриланса во втором квартале увеличился на 78% по сравнению с 2018 г.; за прошлый год фрилансеры в США заработали более 1 триллиона долларов, обогнав сферу строительства (4,8% против 4,1% ВВП США). Рост сферы фриланса будет продолжаться и впредь, особенно в условиях сложившейся эпидемиологической ситуации. Такими темпами к 2030 г. фрилансеры могут составить 80% мировой рабочей силы [11].

В период пандемии COVID-19 возрастает социальная значимость гигномики. Во-первых, речь идет о благополучии работников, поскольку работающие на удаленной основе сотрудники и фрилансеры меньше подвержены риску заражения, нежели

работники офисов. Во-вторых, переход на режим удаленной работы позволил существенно сократить волну высвобождения персонала, несмотря на колоссальный рост безработицы: согласно исследованию рекрутингового агентства Antal Russia, если в феврале прекратили набор сотрудников 12% работодателей, то в марте их численность увеличилась до 40%; данные исследования KPMG свидетельствуют о том, что 59% компаний уже в ближайший год займутся оптимизацией расходов на персонал, а 44% перейдут на удаленный режим работы с гибким графиком, в то время как 41% будет автоматизировать процессы управления персоналом [2]. В-третьих, инструменты гигномики обеспечивают занятость населения, создавая и сохраняя рабочие места как для экономически успешных регионов, так и для депрессивных и географически удаленных областей. В мае 2020 г. в России за помощью в получении работы или пособия обратились 1,6 миллиона человек, а численность безработных увеличилась в 2 раза по сравнению с апрелем того же года [1, с. 41]. Уже в третьем квартале 2020 г. глобальное рабочее время сократилось на 12,1%, что эквивалентно 345 миллионам рабочих мест с полной занятостью, по сравнению с четвертым кварталом 2019 г. Конец 2020 г. также предвещает сокращение около 250 миллионов рабочих мест [14].

С гигномикой тесно связано такое понятие как шеринг-экономика – экономика совместного потребления. Ярким примером шеринг-экономики служит аренда любой собственности, будь то автомобиль в каршеринговом агентстве, игровая приставка или палатка для путешествий. На фоне прекращения деятельности многих компаний и предприятий работникам могут предложить сменить место работы и даже профессию – такой вид перестановок уже получил название шеринга персонала. Сегодня кафе, рестораны, торговые центры и супермаркеты регулярно одалживают друг у друга сотрудников. Многие официанты и повара становятся курьерами, а менеджеры начинают заниматься приемкой и сбором заказов [8, с. 231].

Крупнейшая российская компания интернет-рекрутмента HeadHunter регулярно формирует отчеты динамики российского рынка труда. Больше всего вакансий в 2020 г. находятся в сферах продаж, рабочего персонала, производства и ИТ. В целом же, к январю-ноябрю 2020 г. прирост вакансий за год увеличился на 22%, а прирост размещаемых на портале резюме вырос на 7% [13]. Наиболее востребованными в период кризиса (а также в прогнозируемом будущем после кризиса) становятся сотрудники служб доставки, программисты и представители ИТ-сферы, организаторы виртуального досуга в режиме online, маркетологи и сотрудники отделов продаж, а также репетиторы.

Возрастает спрос на сотрудников сферы здравоохранения и резко падает в сферах туризма, фитнеса, гостиничного и ресторанного бизнеса [1, с. 41-42].

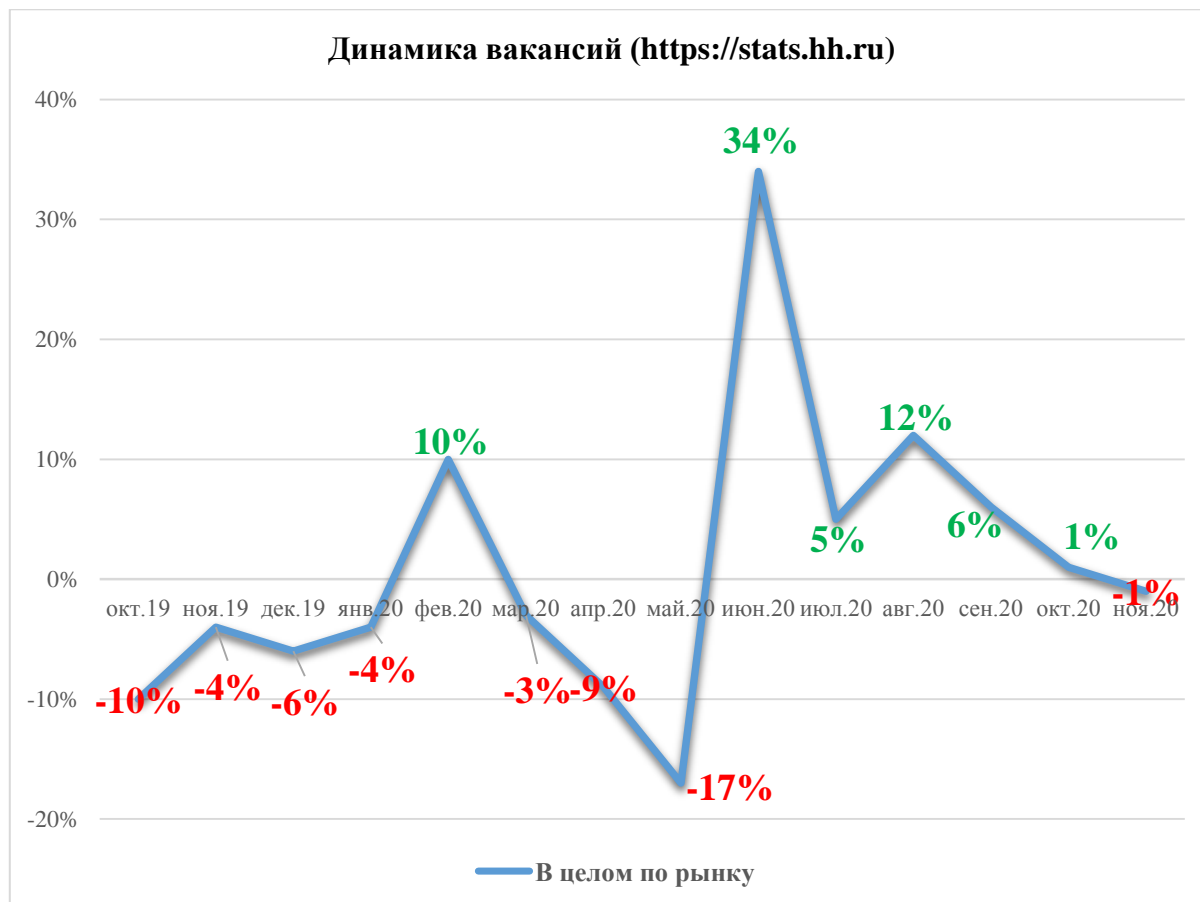

Рис. 1. Динамика вакансий на портале hh.ru

Трудовые практики, определяющиеся как нестандартная трудовая занятость, продолжают и будут продолжать набирать популярность как на отечественном, так и на зарубежных рынках труда. Даже после пандемии COVID-19 в трудовом процессе останутся элементы удаленного формата работы, онлайн-рекрутмент, онлайн-обучение. В онлайн-режиме продолжится оказание услуг в сферах финансов и страхования, бизнес-консультирования, образования, культуры и других. Вместе с тем при объективных достоинствах новых форм труда выявляются и их существенные недостатки – сложность самоорганизации работников в условиях удаленной работы, множество отвлекающих факторов, отсутствие привычной коммуникации с коллегами; актуализируются проблемы правового регулирования трудовых отношений, роста интернет-мошенничества. Пока достижение баланса между позитивными и негативными сторонами жизни общества в ситуации пандемии вряд ли возможно, однако необходим аналитический мониторинг трансформации рынка труда и трудовых практик, на основе которого могут выработываться адекватные управленческие решения.

Библиографический список:

1. Афанасьева Э.В., Туркова Д.В. Проблема рынка труда в условиях распространения пандемии COVID-19 // Мировой опыт и экономика регионов России. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2020. С. 39-44.
2. Ведомости. Как пандемия повлияла на российский рынок труда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2020/04/01/826854-kak-pandemiya-rinok-truda> (Дата обращения: 30.11.2020).
3. Глава ФРС выразил тревогу по поводу долгосрочных экономических последствий пандемии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/9993365> (Дата обращения: 30.11.2020).
4. Забелина О.В. Влияние форс-мажорных факторов на перспективы развития российского рынка труда // Экономика труда. 2020. № 5. С. 391-404.
5. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У – Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
6. Климентьева И. А. Информационная эпоха в трактовке Мануэля Кастельса // Материалы докладов 47 международной научно-технической конференции преподавателей и студентов. Витебск: Витебский государственный технологический университет, 2014. С. 74-76.
7. Полякова Ю. М. Перспективы развития гигномики в условиях глобальной цифровизации на российском рынке труда // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2019. № 1. С. 113-119.
8. Русяева Е.Ю. Gig-экономика (гигномика) и коронакризис // Экономика коронакризиса: вызовы и решения (Сборник научных трудов). М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2020. С. 226-245.
9. Срничек Н. Капитализм платформ / Пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с.
10. Чуланова О.Л. Актуализация экономики свободной занятости (гигномики) – тренда цифровой глобализации в условиях пандемии COVID-19 // Журнал исследований по управлению. 2020. № 3. С. 3-22.
11. 21+ Freelance Statistics to Know in June 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://spendmenot.com/blog/freelance-statistics/> (Дата обращения: 30.11.2020).
12. FL. Фриланс сайт удаленной работы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fl.ru/> (Дата обращения: 30.11.2020).
13. НН Индекс. Россия – статистика рынка труда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stats.hh.ru/> (Дата обращения: 30.12.2020).
14. ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Sixth edition Updated estimates and analysis [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_755910/lang--en/index.htm (Дата обращения: 30.11.2020).
15. Kwork. Фриланс маркетплейс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kwork.ru/> (Дата обращения: 30.11.2020).
16. Workzilla – исполнители для любых заданий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://work-zilla.com/> (Дата обращения: 30.11.2020).

Kravchenko A.L. **GIG Economy: Transforming Labor Markets in the Context of the COVID Crisis**

The emergence and large-scale spread of the post-industrial, information-network type of society is accompanied by the formation of a new digital economic structure, which determines the development and mass introduction of new forms of labor. In the context of the acute economic crisis caused by the COVID-19 pandemic, the GIG Economy today occupies the position of hegemon in the global labor market. The article considers the phenomenon of GIG Economy, describes the main components of GIG Economy, and presents the prospects for the development of labor markets in the context of their transformation against the background of the COVID-19 pandemic.

Keywords: GIG Economy, labor practices, freelancing, outsourcing, COVID-19

Круглый стол: обсуждение актуальности работы М. Вебера «Наука как призвание и профессия»

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-9-66-83

УДК 001.3

Н. Г. Багдасарьян, Я. А. Галеева, А. В. Качанов,

Д. А. Комаров, М. П. Король, А. Л. Кравченко, Н. Ю. Куркова, А. В. Ляскович

Молодежь и наука: между возможностями профессии и вызовами призвания

(материалы круглого стола, посвященного работе

М. Вебера «Наука как призвание и профессия»)

Аннотация:

21 ноября 2020 г. в Университете «Дубна» состоялся круглый стол, посвященный известной работе М. Вебера «Наука как призвание и профессия», в котором приняли участие преподаватели университета, аспиранты всех направлений. Призыв М. Вебера к переосмыслению роли науки и ученого как человека, социально ответственного, более чем актуален в связи с новыми направлениями развития исследований и изменившимся местом науки в обществе. Вопрос о ценностях науки в историко-социальном контексте вновь и вновь возникает как импульс к рефлексии молодых ученых по поводу мотивов и возможностей самореализации в пространстве науки. Выступления участников строились вокруг проблем современной науки и научной коммуникации, подготовки молодых ученых через институт аспирантуры, ее роли в образовательном процессе и обеспечении научной преемственности.

Ключевые слова: наука, академическая среда, молодежь, аспирантура, М. Вебер

Об авторах: Багдасарьян Надежда Гегамовна, доктор философских наук, профессор, Государственного университета «Дубна», заведующий кафедрой социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Король Марина Петровна, кандидат философских наук, доцент, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: marina.korol4@gmail.com

Галеева Янна Александровна, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры психологии; эл. почта: yanna_mail@mail.ru

Качанов Антон Викторович, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: kachanovav96@mail.ru

Комаров Денис Александрович, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры биофизики факультета естественных и инженерных наук; эл. почта: deniskomarrov@yandex.com

Кравченко Алексей Леонидович, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: alkravch1@yandex.ru

Куркова Наталья Юрьевна, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры фундаментальных проблем физики микромира инженерно-физического института; эл. почта: natakurkova@yandex.ru

Ляскович Анна Владимировна, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры клинической психологии факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: livia-lav@mail.ru

Н. Г. Багдасарьян: Недавно мировая общественность отметила столетие программной лекции М. Вебера, с которой он выступил в 1918 г. перед студентами Мюнхенского университета [2]. Эта речь отразила размышления мыслителя о науке, призвании и профессии ученого. Как воспринимаются эти идеи сегодня? Все ли сохранило актуальность? Ведь наука за эти десятилетия проделала огромный путь, претерпев изменения не только в своем институциональном и содержательном статусе, не только в невероятном росте разнообразия объектов своего внимания, но и в ценностном измерении, в той роли, которую она играет в жизни общества. И эти оценки разнообразны. Вот как, например, видит бытие современной науки французский философ и социолог Пьер Бурдьё: «... Наука находится под угрозой опасного регресса. Автономия, которую науке удалось постепенно завоевать по отношению к религиозной, политической, экономической власти и даже частично к власти государственной бюрократии, гарантирующей ей минимальные условия независимости, ныне очень слаба. Социальные механизмы, формировавшиеся по мере того, как она утверждалась как конкуренция между равными, рискуют оказаться на службе целей, навязанных извне; подчинение экономическим интересам и соблазнам масс-медиа входит в опасный

резонанс с внешней критикой и внутренней дискредитацией, где “постмодернистский” бред является последним аргументом, способным подорвать доверие к науке, особенно, социальной. Словом, наука в опасности, и в силу этого сама становится опасной» [4, с. 38]. Согласиться с Бурдье или оспорить образ науки, нарисованный им, предмет иного дискурса. В центре сегодняшнего разговора – фигура молодого человека, стоящего на пороге науки, которому предстоит творить ее будущее. К таким же молодым людям обращался в Мюнхене М. Вебер. Удивительный этот текст сохраняет звучание живого слова спустя сто лет даже в переводе с немецкого.

На протяжении своей длительной истории бытие науки трансформировалось от сферы сакрального и метафизического к ее современному состоянию. Данное состояние определяется, в зависимости от контекста, через категории постнеклассического, неклассической эпистемологии, технонауки, трансдисциплинарных исследований и т.д. Но как бы мы ни характеризовали современную науку, ее великая миссия не растворилась в дебатах о приоритетах и открытиях, о первенстве в иерархии научных дисциплин, в борьбе, порой весьма жестокой, между научными школами и сообществами.

Эта миссия, возвышаясь над мотивами и интересами носителей знания, обладающими научным капиталом, над стратегиями политиков, ангажированных власть имущими, над финансовыми группами, хищно патронирующими научно-технологические новации – прежде и теперь – в том, чтобы объяснить мир, тем самым делая его интеллигибельным. Следование миссии требует не только полного погружения в предмет науки, но и сопряженности с ценностно-целевыми структурами, носителем которых выступает человек. Выразителями каких ценностей предстают те, кто будет вершить завтрашний день науки? Должна сказать, что это не умозрительный вопрос, не абстрактный объект социальной науки. Профессора и аспиранты принадлежат к разным поколениям, которые формировались как исследователи по разные стороны социально-экономического и идеолого-политического разлома. Возможные трудности понимания – в разных основаниях и мотивах вхождения в поле науки. Вспомним хотя бы распространенную шутку советского времени о том, что занятия наукой – это способ получать удовольствие за государственный счет. Вряд ли кто-то из нынешней молодежи подпишется под этим. Но как при этом сохранить преемственность? Как воспроизвести научную школу? Где найти связующие поколения нити?

Мы внимательно всматриваемся в новые поколения постсоветского периода. Представители последней генерации, рожденные в 2000-2005 гг., выбравшие науку как профессию, будут определять ее будущее.

Каковы характерные черты молодежи, выросшей в информационную эпоху? «Цифра» – это не просто повсеместно используемые гаджеты, но это инструмент мышления, средство общения и смысловая среда. Нынешние «дети» быстро схватывают информацию, но не могут читать длинные тексты, они заточены на краткость, «экшн», их внимание неустойчиво, способы коммуникации разнообразны, но поверхностны. Как правило, у них слабо развито критическое мышление, небольшой словарный запас. Да, в аспирантуру «по определению» идут лучшие из выпускников вузов, но когнитивные проблемы остаются. Между тем, занятия наукой не терпят суеты, ожидания мгновенного результата, требуют глубины и терпения, способности к анализу и собиранию фрагментов в целое, наконец, погружения в контексты и стратегического мышления. Способно ли обучение в аспирантуре, в особенности, в том ее формате, который возник в результате последнего реформирования, компенсировать недостающие для научных штудий характеристики личности? И в каком направлении следует двигаться? Наш опыт последних лет показывает, что знакомство аспирантов с работой М. Вебера с последующим ее обсуждением, несомненно, играет позитивную роль в процессах самоактуализации научной молодежи.

М. П. Король: Аспирантура пока еще рассматривается как третья ступень, продолжение вузовского обучения. Пересев с одной скамьи на другую, войдя в учебный план с расписанием, зачетами и экзаменами, проставляемыми в зачетные книжки, аспиранты продолжают ощущать себя студентами, не преодолев синдром ученичества. Однако феномен аспирантуры уникален, поскольку открывает возможность вступить на территорию научного сообщества, активного общения, пронизанного атмосферой интеллекта. Это во многом определяет среди разнообразных функций аспирантуры ее доминирующую роль: открыть перед аспирантами мир науки, приобщить к искусству дискуссии и критического мышления, воспитать уважение к оппоненту, сформировать свободу мышления и уверенность. Но аспирантура не волшебница, она не может превратить аспиранта в ученого, она только дает ему соответствующий инструментарий для овладения культурой научного исследования.

Н. Г. Багдасарьян: дополню: культурой и методом. Полагаю, это и есть самое главное – овладение методом. Тогда можно справиться с любой научной проблемой.

Теперь приглашаю аспирантов к разговору о современной науке и роли ученого через призму вопросов, поставленных в свое время М. Вебером перед молодежью.

Д. А. Комаров: Действительно, многие положения доклада М. Вебера звучат так, словно он – наш современник. Так, его призыв переосмыслить роли науки и ученого как человека, социально ответственного, более чем актуален в связи с новыми направлениями развития исследований и изменившимся местом науки в обществе. Интересно продолжить размышление М. Вебера о динамике общественного статуса ученого, возразив ему по некоторым позициям. Так, не могу согласиться с мыслью М. Вебера о том, что дилетанты уместны в науке, и «идея дилетанта с научной точки зрения может иметь такое же или даже большее значение, чем открытие специалиста». Сегодня занятия наукой требуют такого уровня методологической культуры, который формируется только в системе научного образования. Дилетант обладает житейским опытом, и, соответственно, способностью к обыденному познанию, но не научному. Учитывая нарастающую сложность науки, можно с уверенностью утверждать, что никакой дилетант не сможет править бал даже в весьма узкой области. Скорость роста массива знаний об условно познанной части природного и социального мира, в частности, из-за появления электронных средств связи, также резко возросла. Параллельно увеличилось и число новых вопросов, ответы на которые затрудняются дать даже современные «титаны» науки. То есть, за прошедшее столетие дилетанты окончательно потеряли свое место в науке.

А. В. Качанов: Есть еще одно веберовское замечание, которое звучит сегодня довольно странно. Он говорит о том, что успеха в науке может добиться только тот, кто настраивается на узкую специализацию. Но эволюция науки такова, что с наступлением этапа неклассической, а затем и постнеклассической науки, сформировалась и стала выраженной тенденция к интеграции научных знаний, междисциплинарности. Наиболее ярким ее выражением стала синергетика как теория о сложных, нелинейных системах, объясняющая образование и самоорганизацию моделей и структур в открытых системах, далеких от термодинамического равновесия. Именно она претендует на то, чтобы стать универсальной, фундаментальной дисциплиной, которая позволит расширить методологический диапазон познания как природной, так и внеприродной реальности. Кстати, и сам М. Вебер – отнюдь не был узким специалистом. Именно широта его интересов, глубина знаний в самых разных областях и обеспечили уникальный взгляд на фундаментальные проблемы общественного развития, сохраняя свою методологическую ценность до настоящего времени.

Д. А. Комаров: По нашему мнению, ключевой точкой в обсуждаемой лекции является проблема смысла науки. Наука привлекает пытливые умы своей таинственностью и непредсказуемостью. Как для маленького ребенка целью игры является сам процесс (а не результат), так и для ученого научное познание есть некая конечная (или условно конечная) «игра», процесс которой зачастую оказывается важнее, чем продвижение к конечному результату. Случается, что некоторые научные методы, которые привели к неудовлетворительным результатам в рамках одной научной дисциплины, оказались эффективными в другой. Например, метод из такого раздела физики, как конденсированные среды, разрешил задачу из физики частиц [8]. Ответ на вопрос о том, как объяснить массу частиц, был получен с помощью метода из теории ферромагнетизма, что позволило объединить фундаментальные взаимодействия и положило начало Стандартной модели [6; 9].

Н. Ю. Куркова: Рассуждая над смыслом науки, Вебер упоминает тот факт, что связь научной работы с ее предпосылками зависит от структуры науки. Естественные науки, говорит Вебер, считают само собой разумеющимся, что высшие законы космических явлений, конструируемые наукой, стоят того, чтобы их знать. В настоящее время ученым, в том числе и физикам-экспериментаторам, все еще приходится отстаивать смысл своих научных работ. Ярким примером, в подтверждение нетленности мысли Вебера, для меня является синтез сверхтяжелых элементов. По долгу службы или в целях личного развития, я регулярно слушаю лекции на эту тему Юрия Цолаковича Оганесяна или моего научного руководителя Александра Владимировича Карпова, читаю статьи или интервью с ними, с другими представителями Лаборатории ядерных реакций им. Г.Н. Флерова (ЛЯР), а порой сама отвечаю на вопрос людей «чем ты вообще занимаешься?». И после попытки популярно пояснить суть моих исследований, всегда звучит вопрос «а в чем практическое применение сверхтяжелых элементов? зачем вы их получаете?». А его нет. Нет практического применения сверхтяжелых элементов и не будет еще очень многие годы, возможно, столетие. И нужно как-то объяснить неподготовленному человеку: то, что мы делаем — строим новые установки за большие деньги, тратим человеческие и природные ресурсы — это все не зря. Да, мы не способны получить достаточное число атомов, чтобы создать материал из новых элементов, но мы счастливы, когда получаем хотя бы несколько штук, можем зарегистрировать их, доказать, что это новый элемент и присвоить ему имя.

В одном из интервью Сергей Николаевич Дмитриев, в то время директор ЛЯР, на вопрос «Есть ли шанс у новых сверхтяжелых элементов найти практическое

применение?» дал, на мой взгляд, лучший из возможных ответов, которым я часто пользуюсь, рассказывая о своей работе: «Пока это даже обсуждать не приходится. Однако это не означает, что наши установки, на которых мы проводим эксперименты, не могут приносить практическую пользу. Я вам приведу такой пример: все наши достижения в области производства трековых мембран, в области нанотехнологий не были бы возможны, если бы не наши ускорители. Но никогда эти ускорители не появились бы без сверхзадач, сформулированных фундаментальным направлением изучения сверхтяжелых элементов». Я считаю, что это показательный пример того, как могут быть связаны фундаментальные и прикладные исследования: когда прикладные задачи становятся достижимыми и решаемыми на определенном витке фундаментальных продвижений. Да, сейчас наши ускорители много полезного приносят людям, но как они развиваются? За счет чего? Сегодня мы, например, лидируем в мире по изучению взаимодействия тяжелых ионов с полимерами. У нас самый большой опыт в этой области. У нас лучшие трековые мембраны. Только в Китае Дубна поставляет 50 тысяч квадратных метров трековых мембран.

Н. Г. Багдасарьян: Пришедшие в науку за минувшее столетие поколения ученых сделали колоссальный прорыв в постижении закономерностей действительности и конструировании целостной системы представлений об общих свойствах окружающего мира. Открытия современной науки на основе новой парадигмы научного стиля мышления изменили отношения между техносферой, биосферой и социосферой. Ученые прогнозируют, что уже в ближайшем будущем кооперативное взаимодействие различных научных направлений может способствовать появлению самых разнообразных новаций, которые откроют перед человечеством беспрецедентные возможности в создании нового социально-технологического уклада. Однако эти же открытия проблематизируют многие сюжеты социальной реальности и ставят человечество перед не существовавшими раньше угрозами и рисками.

Я.А. Галеева: Действительно, цена научных открытий для общества может быть весьма высокой, и последствия таких открытий могут поставить под удар самое существование человечества. И это касается не только ядерной физики, открытия в области которой привели к изобретению атомной бомбы – его чудовищный результат человечество смогло оценить только после применения. Вспомним Норберта Винера. «Я выпустил джина из бутылки», - говорил он, признавая, что переоценил людей, не учел, что человечество лениво и когда-нибудь, доверив роботу решение ключевого вопроса, погибнет. Мне кажется, что самосознание человечества пока не доросло не то, чтобы до

понимания своего места и роли во вселенной, но и до понимания абсолютной ценности жизни как таковой и любого индивида, в частности, будь это, по словам М. Вебера, «какой-нибудь жалкий помешанный» или смертельно больной.

В настоящих условиях исследователь не может быть свободен от вопроса ответственности и смысла своей деятельности в силу ряда обстоятельств.

Во-первых, ввиду возможной опасности научных открытий для выживания человечества на планете Земля вследствие все более глубокого продвижения вглубь строения материи. Думаю, что эта опасность будет стремительно возрастать и уже через короткое время сделает невозможным независимые научные исследования без одобрения какого-нибудь совета по государственной или планетарной безопасности.

Во-вторых, ввиду включенности науки в политическую, экономическую и культурную жизнь планеты. На данном этапе многие научные исследования уже невозможны в рамках отдельно взятых маленьких лабораторий и требуют огромных финансовых затрат из бюджетов нескольких стран и интернациональной коммуникации при создании информационной базы данных и обмене специалистами. Поэтому политика и экономика накладывают свой отпечаток на финансирование и ресурсообеспечение научной деятельности.

В-третьих, ввиду большого отрыва научных исследований от реальности, в 1960-х гг. возникла концепция экологической валидности как степени соответствия условий эксперимента исследуемой реальности. Понятие пришло из зоопсихологии, но затем было распространено на все психологические исследования. В современной когнитивной психологии понятия экологической и внешней валидности употребляются в качестве почти полных синонимов. У. Найссер отмечал лабораторность или низкую экологическую валидность когнитивных экспериментов 50-60х гг.: «Недостаточная экологическая валидность, безразличие к вопросам культуры, отсутствие среди изучаемых феноменов главных характеристик восприятия и памяти, как они проявляются в повседневной жизни, способны превратить такую психологию в узкую и неинтересную область специальных исследований... Возникновение новых методик больше не вселяет надежд, а скорее действует угнетающе» [5]. Аллан Ньюэлл приводит ни много, ни мало 59 экспериментальных процедур, используемых в настоящее время. 57 процедур из списка Ньюэлла предполагают искусственные лабораторные ситуации; единственные методики, в которых есть какая-то доля экологической валидности, связаны с игрой в шахматы и рассматриванием Луны [10].

В-четвертых, мировоззрение исследователя накладывает отпечаток на его

научную деятельность. В случае, если личность исследователя недостаточно зрелая социально, то его взгляды, направленность исследования и интерпретация результатов могут быть подвержены влиянию установок его социальной группы (есть много кросскультурных исследований о неосознаваемых установках личности). В этой связи в качестве способа вывода этих неосознаваемых установок в сферу сознания огромную важность приобретает методология критического мышления.

Н. Г. Багдасарьян: то есть, мировоззренческий контекст становится существенной составляющей мотива к занятиям наукой, выбора ее направленности, способов и методов осуществления исследований, и применения результатов – всего цикла научного производства. И это требует осмысления характера перемен, связанных с личностью ученого.

М. П. Король: Действительно, хотелось бы, чтобы аспирант, получив представление о проблемном поле методологии науки, основных моделях научного познания, эволюции типов миропонимания, пришел к пониманию того, что для современного ученого важна не только деятельность, направленная на познание мира, которая требует полного погружения в предмет исследований, но и понимание общественных проблем. В сложной, противоречивой реальности современного техногенного мира ученый не может изолироваться от него, он обязан учитывать общественные интересы. Это требует ответственности и понимания учеными социально-этической и гуманистической проблематики научного познания.

Д. А. Комаров: Научное сообщество со времен М. Вебера претерпело колоссальные изменения. Столетие назад научная деятельность, какой мы видим ее сегодня, только начала формироваться. Изначально занятие актуальной наукой было исключительно увлечением аристократов, величайших умов того времени. Мы прекрасно знаем эти имена: Ньютон, Лейбниц, Декарт и другие. Впоследствии начался лавинообразный рост научных исследований, однако, не сразу стало понятно, как использовать их продукты. Так, существует легенда. Когда Фарадей показывал свои электрические опыты премьер-министру Великобритании лорду Уильяму Гладстону, тот лениво спросил: «Какая от этого польза?» Фарадей, дитя капитализма, ответил: «Вы будете получать от электричества налоги». И правда, работы Фарадея, Эдисона и других вылились в великую промышленную революцию, ко времени которой наука уже успела сильно усложниться. Ко времени рождения квантовой механики наукой уже занимались не единичные люди, а целые научные группы – наука становилась полноценной профессией. Занятие наукой начало требовать больших финансовых вложений, но и

приносить существенные, весьма осязаемые плоды. Сегодня уже невозможно представить проведение исследований в естественных науках без специализированного оборудования и соответствующего финансирования⁵.

Н. Г. Багдасарьян: О финансировании. В основополагающих государственных документах, определяющих стратегию научно-технического развития, названы приоритетные направления, которые финансируются в соответствующем – приоритетном порядке. Социальные науки не входят в их число. Полагаю, одна из причин – в том, что до сих пор в общественном сознании (в том числе, и среди людей, формирующих стратегию) бытует мнение, что социальные науки субъективны, что главная характеристика социального мира – непредсказуемость. Оттого до сих пор не сформулированы социальные закономерности, а в социальном знании существуют огромные области неопределенности – социальнаучное знание не имеет познавательной ценности. Но это знание вовсе не обречено на научную несостоятельность, более того, оно обладает неисчерпаемым потенциалом для выстраивания не только объяснительных моделей жизни обществ, но и стратегий стабильного разрешения проблем безопасности, общественного комфорта. Есть и еще один аргумент противников надлежащего финансирования социальной науки – невозможность прямой монетизации ее результатов. Должна сказать, что я вовсе не против того, чтобы определять научные приоритеты, не могу поддержать лишь их выбор. Тем более, что не очень были понятны критерии и основания включения именно этих пяти направлений. По этому поводу велись в свое время дискуссии в профессиональной среде. Опасения были на предмет того, что сужение областей научного развития, финансируемых государством, может привести к существенным деформациям, могут быть упущены важные, но не всегда обнаруживаемые в настоящий момент векторы развития. Так вот, социальнаучное знание как раз по определению должно принадлежать к приоритетным – именно потому, что оно прямо направлено на здоровье общества. Но этого пока не случилось.

А. В. Ляскович: Монетизация исследований, ресурсы, снабжение, финансирование – важная часть современной исследовательской деятельности, обеспечивающая развитие науки. Если финансирование осуществляется на должном

⁵ Однако мир знает редкие исключения. В 2010 г. Нобелевская премия по физике была присуждена за новаторские эксперименты по исследованию двумерного материала графена. Данные эксперименты были осуществлены при помощи наклейки и обдирания скотча на обычный графит и дальнейшего исследования, получившихся тонких наноструктур [7].

уровне, мы можем избежать еще одной важной проблемы современной науки – «утечки мозгов». Молодые ученые бегут из страны за лучшей жизнью, обеспечивая себе достойные условия, а страна лишается конкурентоспособной части собственного научного сообщества, которое обеспечивает ее развитие и будущее.

Н. Г. Багдасарьян: Это весьма серьезная проблема, вызванная целым рядом разнообразных причин, среди которых – не только проблемы сугубо материального обеспечения научных исследований и оплаты труда ученых. Это и качество научного образования, и характеристики научной среды, и общая атмосфера в стране, и медицинское обслуживание, и ощущение социальной безопасности, и другие аспекты профессиональной и повседневной жизни людей. Конечно, в этом есть опасность интеллектуального оскудения отечественной науки. Но это самостоятельная проблема, требующая специального разговора. Вернемся к обсуждению соотношения науки и ученого.

А. Л. Кравченко: Несмотря на неизменную главную цель науки, все чаще наука становится заложницей различных обстоятельств. Нередко социологи могут отдать предпочтение гонорару, а не социологическому кодексу; экологи, вместо решения действительно значимых проблем, занимаются тем, выгодно заказчику; историки способны написать учебник, основываясь на одном ряде исторических фактов, игнорируя ряд других. Обычной практикой становится то, что люди, называющиеся учеными, занимаются псевдонаучной деятельностью ради денег, прикрываясь наукой. Если средневековую философию называют «служанкой теологии», то перед современной наукой возникает угроза стать «служанкой капитала».

Н. Г. Багдасарьян: Это очень опасная тенденция. Дело в том, что наука – инструмент инновационного развития общества и государства. Если ее встраивать в логику рынка, то по определению она будет решать задачи сегодняшние. Поэтому в науке непременно должен существовать баланс между прикладными задачами, отражающими насущные потребности общества, и фундаментальными, закладывающими векторы развития на долгие годы вперед.

А. В. Ляскович: Да, рынок провоцирует стремление вбросить в общество что-то шокирующее, будоражащее. Ученые делают открытие за открытием и стремятся скорее обнародовать результаты, не осмыслив их в полной мере, не проведя необходимого числа экспериментов, доказывающих достоверность. Взять хотя бы актуальную тему коронавируса. Сколько противоположных суждений и интерпретаций мы услышали от специалистов за время пандемии.

А. В. Качанов: Но в то же время необходимо популяризировать достижения науки. Общество должно понимать, в каком направлении она движется. На ученых лежит миссия формирования мировоззрения граждан, представлений о научной картине мира. Ученый, исследователь – это не только профессия, суть которой заключается в добывании знания, но и призвание, что и подчеркивал М. Вебер. И в этом смысле ничего не изменилось за минувшие 100 лет.

М. П. Король: То есть, можно утверждать, что на первый план сегодня выходит общественная значимость науки, ее этические принципы?

А. Л. Кравченко: Если для классической рациональности и была характерна элиминация субъекта познания и отсутствие взаимосвязи между ценностями общества и идеалами науки, то в рамках постнеклассической рациональности существенное внимание уделяется императиву целостности и единства науки и социума. Данный холистический принцип также выражается в сосуществовании множества теорий, концепций и методологий в рамках единой научной картины. Роль субъекта познания становится основным исследовательским вопросом, а общество рассматривается как открытая, сложная самоорганизующаяся и неравновесная система. Во внимание принимаются проблемы ответственности человека и сохранения будущего человечества. Ведущими направлениями современной науки выступают концепции глобального эволюционизма, коэволюции и устойчивого развития. Так, доклады Римского клуба носят ярко выраженную политическую окраску, а реализация стратегий устойчивого развития неминуемо приведет к антикапиталистическим реформам, что в корне противоречит современной неолиберальной политике большинства государств.

Н. Ю. Куркова: Меня, кстати, зацепила идея Вебера о том, что «политике не место в аудитории». Пожалуй, это самое хорошее правило, которое стоит распространить и на науку. Что и сделало в свое время руководство ОИЯИ. Поскольку Институт является международным, то нередко бывают ситуации, когда приезжают ученые из стран, находящихся в конфронтации к нашей и между собой. И несмотря на то, что ученые в большинстве своем люди широких взглядов, все же случались конфликтные ситуации среди гостей. Какая-то из них стала последней каплей. Появилось правило: «никаких обсуждений политики на территории института». Сейчас данное правило закреплено в кодексе профессиональной этики работников ОИЯИ в следующей формулировке: «работники Института руководствуются следующими положениями и принципами: соблюдение равноправия, взаимоуважения и творческого сотрудничества всех членов коллектива, основанного на принципах единства научного

сообщества, состоящего из представителей многих государств с различными традициями и национальной культурой, препятствование проявлению дискриминации во всех ее формах и по любым признакам и т.д.» [3]. Не зря современный девиз ОИЯИ гласит «Наука сближает народы».

Отголоски упоминания дискриминации в приведенном правиле звучат в истории, рассказанной на одной из экскурсий. Со слов экскурсовода/сотрудника ОИЯИ однажды представитель какого-то восточного государства оказывал незнакомой девушке знаки внимания, не соответствующие ее европейским представлениям об ухаживаниях. Полагаю, что, отойди Вебер в этом моменте своей лекции от контекста лекции и роли академического преподавателя, он бы смог многое рассказать о дискриминации в тот период.

Д. А. Комаров: Согласен с тем, что состояние науки во многом зависит от научного сообщества и научной коммуникации. Очень важно, какие именно образцы такой коммуникации закладываются в процессе научного образования, в частности, в аспирантуре. Хотелось бы, чтобы проводились дискуссии, мастер-классы, чтобы аспиранты могли включаться в диалог с преподавателем на равных, преодолевая давление его авторитета.

Н. Г. Багдасарьян: Диалог на равных возможен, когда его участники говорят на одном языке, слышат и понимают друг друга, т.е. когда освоен специализированный научный словарь, когда человек вошел в дискурс. Тогда можно говорить о культуре научного диалога в традициях академической среды. Круглые столы и конференции, проводимые учеными по всему миру, стали неотъемлемой частью научной жизни, на них строится вся жизнь академического сообщества. Собственно, в коллективном диалоге рождаются новые идеи, формируются новые направления в дальнейшем изучении тех или иных вопросов и тем. Будь то беседы античных мыслителей в диалогах Платона или переписка, которую вели члены Республики ученых, отличительной чертой таких диалогов была подчеркнутая полемичность, желание найти истину.

Молодой ученый, включаясь в этот дискурс, наследует научную реальность по праву понимания и самоосознания себя ученым. А с этим сегодня немало проблем.

Д. А. Комаров: М. Вебер говорил, что нынешняя молодежь (начала XX в.) считает науку «лишенным реальности царством надуманных абстракций», и это остается актуальным, поскольку представления обывателей о научном познании по-прежнему скудны и ограничены ввиду того, что их связь с наукой является косвенной и опосредованной. Разнообразные научно-популярные сообщества пытаются донести

простыми словами сложные теории таким образом, чтобы они были понятны обывателю. Но современная наука неизмеримо сложнее и по-настоящему понять генезис идей, их метаморфозы и важность достигнутых результатов в ключе новых научных теорий обывателю крайне сложно, а некоторые последние достижения сложно осмыслить даже специалистам в данной области.

А. В. Ляскович: Рискну предположить, что новые поколения имеют четко выраженную тенденцию к инфантилизации, о чем свидетельствуют результаты моей научной работы. На протяжении шести лет были проведены экспериментальные наблюдения за возрастными категориями от 5-ти до 50-ти лет, выявившие четкую тенденцию: чем выше уровень приспособления к прогрессу общества, тем выше уровень инфантильности человека. Прогресс направлен на улучшение жизни человека, качественно изменяя жизнь в сторону большей комфортности, но меньшей продуктивности для развития. Таким образом, через некоторое время мы можем получить общество, которое будет не способно даже осознать науку, не то, что продвигать ее.

М. П. Король: К этому можно добавить данные, полученные в науке о мозге. Выяснилось, что в структуре человеческого мозга большую роль играют лимбическая система – древняя система, которая участвует в формировании поведенческих реакций, и неокортекс – новые области коры головного мозга, влияющие на процессы памяти и обучения. Так вот, условно, неокортекс ассоциируется с понятием «надо», развивает усилия, а лимбика ассоциируется со словом «хочу», не требует энергетики. Цифровая среда, системы Интернета создают своеобразную зону комфорта для молодых людей, не требуя от них самостоятельных усилий по научному поиску, не стимулируя «надо». Но комфорт не дает развития.

Н. Г. Багдасарьян: Все же давайте не будем лишать себя перспективы. Следует, видимо, лучше учитывать психологические, когнитивные особенности новых поколений при организации систем образования. Они открыты новому, легко приспосабливаются к изменяющейся обстановке, способны быстро переключаться с одних событий на другие. Безусловно, существуют возможности, которые, учитывая этот особый тип мышления, могут формировать качества, необходимые человеку науки. В первую очередь это «среда обитания», академическая среда.

А. В. Ляскович: Вот здесь хотела бы обратить внимание на тенденцию смещения обучения в онлайн, дистанционный формат. Такой способ учебы не только не способствует качественному образованию, но и формирует неправильные представления

о науке у тех, кто только встает на этот путь. Роботы, программы и машины никогда не смогут заменить человека, несмотря на идею искусственного интеллекта, который предположительно будет превосходить человеческий. Еще ни один ребенок не смог вырасти без помощи человека и освоить жизненно необходимые вещи. Человека обучает человек.

Н. Г. Багдасарьян: Продолжу мысль об академической среде. Последняя реформа аспирантуры привела к тому, что механизм трансляции академизма деформирован, нарушен процесс воспроизводства научных кадров, в первую очередь, посредством института аспирантуры. Уже всем ясно, что с этим надо что-то делать, тем более что результаты работы аспирантуры носят катастрофический характер: резко сократилось число защит (в 2019 г. только один из десяти выпускников аспирантуры защитил диссертацию в срок). Дипломы, выдаваемые выпускникам на основе научного доклада и ГИА, не мотивируют к защите. Но есть и ряд других обстоятельств. Социологическое исследование, проводившееся в университете «Дубна» на протяжении нескольких последних лет, показывает, что наложение внешних по отношению к университетам и внутренних факторов снизили возможности воспроизводства российских ученых, способных к ответу на вызовы, перед которыми оказалась страна в последние десятилетия.

В числе внешних факторов наиболее существенными, на наш взгляд, оказались два: а) невозможность для аспиранта существовать на государственную стипендию и б) проблематичность трудоустройства «по специальности». Первый фактор, связанный с выживанием, вынуждает аспирантов не просто «подрабатывать», как это бывало и прежде, но работать полный рабочий день. Учитывая, что большинство фирм не считается с трудовым законодательством, в особенности, нанимая на работу молодых людей, то этот рабочий день может длиться неограниченное число часов. А, как мы знаем, занятия наукой требуют регулярности и непрерывности. Это обстоятельство, кстати, тянет за собой целую цепочку социальных следствий, в частности, отложенные браки, позднее рождение детей, что не лучшим образом влияет на демографическую обстановку в стране и воспроизводство рабочей силы. Разумеется, бывают счастливые случаи, когда работа совпадает с научной траекторией аспиранта (например, в аспирантуре университета «Дубна» обучаются молодые люди, работающие в ОИЯИ, а аспиранты МГТУ им. Н.Э. Баумана совмещают обучение с работой на кафедрах и в Научно-образовательных центрах). Но это, скорее, исключение из правила.

Второе внешнее обстоятельство, связанное с трудоустройством окончивших аспирантуру, обнаруживает ограниченность рынка вакансий для амбициозных молодых людей с научной степенью. В вузах, вследствие резкого сокращения числа учебных часов на ставку, оказались недогруженными уже работающие преподаватели. Да и число вузов за минувшее десятилетие было резко сокращено (мы не обсуждаем здесь вопрос о степени справедливости конкретных решений Министерства, рассматривая лишь аспект трудоустройства). Развитие научного сектора в академических и отраслевых институтах также не решает проблему. Отсюда – отток талантливых молодых людей, тех, кто не мыслит себя вне науки, за рубеж, либо кардинальная смена профессии (среди моих защитившихся аспирантов – риэлторы, профессиональные фотографы, тренеры), а в ряде случаев – устройство на чиновных должностях в разросшемся административном аппарате университетов. Мы говорили о тех, кто сумел защититься и получить ученую степень. Отдельная тема – трудности защиты: решения ВАК о приостановке и закрытии диссертационных советов, барьеры, которые ставят университеты для защиты «чужих» выпускников аспирантуры, стоимость процедуры и т.п.

Но бывает и так, что выпускников аспирантуры вовсе не огорчает отсутствие соответствующих их статусу вакансий. Не огорчают трудности защиты. Поскольку ничего такого не планировалось априори. И здесь – факторы внутреннего, личностного порядка. Отсрочка от армии, инфантильность, личностная незрелость (а чего бы не продолжить учебу, раз не требуют защиты диссертации, а за отчет-реферат пусть болит голова у научного руководителя), какая-никакая стипендия, место в общежитии и пр. То есть, часть выпускников вузов приходит в аспирантуру по неакадемическим мотивам, и это – ошибки набора. Минимизировать их можно только посредством ранней включенности в науку на студенческой скамье, а еще надежнее – на школьной.

То есть, необходима соответствующая среда: рядом должны быть равнодушные к тем, кто придет им на смену, наставники (вспомним, как Вебер характеризовал личность в науке). И здесь тоже сформировался ряд обстоятельств, негативно влияющих на подготовку научных кадров. Ключевой проблемой и узким местом стало научное руководство. Перегрузки профессоров, способных к формированию научных школ, отсутствие стимулов к научному руководству (50 часов на аспиранта в год тонут в 900 часах нагрузки, в новых требованиях к оформлению и непрерывному обновлению читаемых дисциплин, в том числе, электронными материалами, наукометрическим показателям и пр.). Кроме того, не всегда преподаватели, имеющие собственный опыт защит, способны руководить другими. Здесь требуются особые умения взаимодействия

в формате мастер-классов, знание психологии, методологические навыки научного обучения, а, главное – интерес к подготовке смены. Не исключено, что в современных условиях необходимы специальные формы подготовки научных руководителей аспирантов.

Известно, что готовятся управленческие перемены в институте аспирантуры на уровне страны. Остается надеяться на то, что степень бюрократизации сократится, а степень поддержки научных руководителей и их подопечных повысится. Что будут затронуты не поверхностные, а системные проблемы подготовки научных кадров. Самое существенное – в том, чтобы обучение в аспирантуре перестало подчиняться лишь формальным требованиям, а стало настоящей школой включенности молодых, научно одаренных людей в академическую, творческую среду. Трансформация социального положения ученого завершилась, занятие научной деятельностью отныне окончательно является полноценной профессией, а не увлечением скучающих аристократов. Но и посыл М. Вебера о науке как призвании – в преодолении разного рода обстоятельств государственного и общественного устройства – не потерял своей актуальности, поскольку в его речи мы находим «главную установку для тех, кто вступил на тернистый путь поиска истины и готов идти по нему, следуя принципам ответственного соучастия: «Одной только тоской и ожиданием ничего не сделаешь, и нужно действовать по-иному - нужно обратиться к своей работе и соответствовать «требованию дня» - как человечески, так и профессионально» [1, с. 179-180].

Н. Ю. Куркова: Могу с уверенностью сказать, что я нашла в речи Макса Вебера для себя не просто актуальные, не устаревшие сегодня мысли, а что-то трогающее струны души, созвучное с моей ежедневной реальностью. Не знаю, многие ли разделяют это мнение, важно лишь, что спустя век я, как будущий кандидат физико-математических наук, работающий в одной из лучших лабораторий в мире, принимаю эстафетную палочку от великого ученого Макса Вебера. Я так чувствую.

Материал подготовлен Н. Г. Багдасарьян, М. П. Король.

Библиографический список:

1. Багдасарьян Н.Г., Король М.П. Наука как призвание и профессия: опыт современного прочтения М. Вебера // Вопросы философии. 2014. № 11. С. 174-180.
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия. Избранные произведения. М.: «Прогресс», 1990. С. 707-735.
3. Кодекс профессиональной этики работников ОИЯИ [Электронный ресурс] // Дубна. Наука, содружество, прогресс. 2018. № 29. Режим доступа: <http://jinrmag.jinr.ru/2018/29/ko29.htm> (Дата обращения: 01.12.2020).

4. Маркова Ю.В. Реферат. Бурдые Пьер. Наука о науке и рефлексивность. Курс в Коллеж де Франс в 2000-2001 гг. // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 1. С. 38-49.
5. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии [Электронный ресурс]. М.: Прогресс, 1981. 232 с. Режим доступа: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/kognitivnye_nauki/najsser_u_poznanie_i_realnost_smysl_i_principy_kognitivnoj_psikhologii/17-1-0-885 (Дата обращения: 01.12.2020).
6. Englert F., Brout R. Broken Symmetry and the Mass of Gauge Vector Mesons // Physical Review Letters. 1964. Pp. 321-323. DOI: [10.1103/PhysRevLett.13.321](https://doi.org/10.1103/PhysRevLett.13.321)
7. Geim Andrey K., MacDonald Allan H. Graphene: Exploring Carbon Flatland // Phys. Today. 2007. Vol. 60 (8). P. 35. DOI: [10.1063/1.2774096](https://doi.org/10.1063/1.2774096)
8. Goldstone J. Field theories with "Superconductor" Solutions // Nuovo Cimento. 1961 Vol. 19. № 1. Pp. 154-164. DOI: [10.1007/BF02812722](https://doi.org/10.1007/BF02812722)
9. Higgs Peter W. Broken symmetries and the masses of gauge bosons // Physical Review Letters. 1964. Vol. 13. № 16. Pp. 508-509. DOI: <https://doi.org/10.1103/PhysRevLett.13.508>
10. Newell A., Herberta A. Computer Science as Empirical Inquiry: Symbols and Search [Electronic resource]. URL: <http://rkka21.ru/docs/turing-award/an1975e.pdf> (Access: 01.12.2020).

Bagdasaryan N.G., Galeeva Ya.A., Kachanov A.V., Komarov D.A., Korol M.P., Kravchenko A.L., Kurkova N.Yu., Lyaskovich A.V. **Youth and Science: Between Possibilities of Profession and Challenges of calling (round table discussion dedicated to M. Weber's article "Science as calling and profession")**

On November 21, 2020, the Dubna University hosted a round table dedicated to the famous work of M. Weber "Science as a vocation and profession", which was attended by university professors, graduate students of all directions. M. Weber's call to rethink the role of science and the scientist as a socially responsible person is more than relevant in connection with the new directions of research development and the changed place of science in society. The question of the values of science in the historical and social context again and again arises as an impulse for the reflection of young scientists about the motives and possibilities of self-realization in the space of science. The speeches of the participants were built around the problems of modern science and scientific communication, the training of young scientists through the institute of postgraduate studies, its role in the educational process and ensuring scientific continuity.

Keywords: science, academic environment, youth, graduate school, M. Weber